

СМЕНА

Боевое Sh-51

21

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КИЕВ—СТОЛИЦА

СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Сквер на центральной улице города Киева — Крещатике.

Здание Верховного Совета Украинской ССР.

Киев, Столица советской Украины, один из замечательных городов нашей страны, был освобожден 29 октября 1943 года, геронеская Советская Армия

освободила Киев от немецко-фашистских захватчиков. Войди в город, солдаты, которых вёл генерал Ватутин, увидели развалины зданий. Особенно сильно пострадали центральные улицы. Тогда же Крещатик, на котором стоял памятник Богдану Хмельницкому, рухнувшие дома загораживали обломками дорогу.

Ныне Киев снова может гордиться красотой своих магистралей и зелени, зеленой заросью Голосеевского леса. В это же время здесь появилось более 150 новых улиц. Всюду видны строительные леса, воздвигаются около 200 многоэтажных зданий. Сооружаются новые кинотеатры, клубы, школы, жилые дома, спортивные сооружения, консерватория, открытая недавно на Украине кинотеатр «Киев» с тремя зрительными залами.

Киев — это город, который дает стране станки и мотоциклы, энзисваторы и точные приборы, город, где более 120 тысяч учащихся, где работают многочисленные научно-исследовательские институты, библиотеки, театры.

Киев расцветает, кипит. Восстановление украинской столицы огромную помощь оказывает великий русский народ, все народы Советского Союза.

← На берегу Днепра.

Фото Д. Шоломовича.

У памятника Богдану Хмельницкому.

Московская школа торгового ученичества. На снимке: комсомолки Галина Митрофанова, Ольга Стрижинова и Светлана Флаумбазум на практических занятиях.

Фото А. Мокледова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1953 год.

Год
издания
30-й

ТИМИРЯЗЕВЦЫ

Г. М. Доза-

науки, историю развития высшего сельскохозяйственного образования в нашей стране.

Академик носит имя Климентия Аркадьевича Тимирязева, великого мыслителя и демократа, учёного с мировой славой, считавшего свою работу в академии лучшей частью своей жизни. Возглавляя кафедру ботаники академии, К. А. Тимирязев заложивший основы современной школы физиологии растений. Это о нём вдохновенно писала известный южнокорейский геолог А. П. Павлов.

известный русский геолог А. П. Павлов:

«Климент Аркадьевич сам, как и горячо любимые им растения, всю жизнь стремился к свету, запасая в себе сокровища ума и высшей правды, и сам был источником света для многих поколений, стремившихся к свету и знанию, искающих тепла и правды в суровых условиях жизни».

стенах академии много лет плодотворно трудился виднейший научный специалист в области агрономии — химии академик Д. П. Горицкий, член-корреспондент Академии наук СССР, автор более 200 научных и учебно-методических работ, в которых он изложил основные положения и результаты исследований по вопросам физической химии почв, земледелия и сельского хозяйства. Вместе с тем в Академии были созданы и разработаны новые методы изучения почв и земледелия, получены новые знания о механизмах процессов в почве, земледелии и сельском хозяйстве. Академик М. Ф. Иванов — основоположник зоотехнической науки; М. К. Турский — первый русский научный лесовод; А. Д. Рудницкий — пионер селекционно-

дома и за границей, и, многие другие. Торжественное вручение премий, состоящих из больших научных традиций, достойными преемниками которых является целая плеяда видных представителей советской агрономической и зоотехнической науки, возглавляемых ее основателем — академиком С. С. Чайковским. Среди них — академики Т. Д. Лысенко, Ф. Ильинский, Н. Я. Вавилов, А. А. Болотов, В. П. Борисовский, П. Н. Константинов, профессора — доктора наук М. В. Федоров, А. А. Черкасов и многие другие. Среди коллектива профессоров, преподавателей и научных сотрудников академии тридцать один человек удостоены почётного для советского научного учреждения звания лауреата Сталинской премии.

Тимирязевской академии пятьдесят два кафедры, входящие в состав шести факультетов — агрономического, зоотехнического, почвоведения и агрохимии, плодоводства и овощеводства, экономического и агропедагогического.

Для лучшей теоретической и специальной подготовки студентов и научно-исследовательской работы в сельском хозяйстве и учебно-практических хозяйств, представляющих собой отдельно обзорные базы для производственного обучения и научных исследований. Свое теоретические знания студенты закрепляют, проходя учебную практику в шести учебно-исследовательских распределенных в различных по экономико-географическим зонам страны, сельскохозяйственное хозяйство ведется на основе последних достижений науки, опираясь в своем развитии на современную машинную технику. Научно-практические хозяйства работают тракторами и сложными сельскохозяйственными машинами, а также мотоблоками, мотокультиваторами, мотодизелями, мотогазонокосилками, мотограбами; применяются новейшие достижения, опыт выдающихся мастеров и новаторов сельскохозяйственного производства.

Окончив академию, молодые специалисты-тимирязевцы разъезжают в самые различные уголки Советского Союза, несут на колхозные поля и фермы свои знания, организуют работу по получению обычных и гибридных сортов культурных растений.

О масштабах подготовки кадров в Тимирязевской академии наглядно говорит такое сравнение: за полвека своей деятельности в деревохимический период академия, носившая тогда название Петровской, подготовила около тридцати тысяч агрономов и зоотехников, а за тридцать лет советской власти Тимирязевская академия выпустила около пятнадцати

других тысяч специалистов сельского хозяйства, сельскохозяйственной промышленности и высшее сельскохозяйственное образование многих тысяч людей, пришедшие в её аудитории из советской деревни. Многие знаменные мастера высоких урожаев и животноводства, передовые работники сельского хозяйства, инженеры, конструкторы, трактористы стали в стенах академии специалистами сельского хозяйства и вернулись к семье в родину — в колхозы и совхозы — учёными-исследователями, инженерами, технологами. Имя «Тимирязевцы» знают во всех уголках нашей Родины.

Ещё больше возрастает значение Тимирязевской академии в связи с тем, что в её стенах создан Центр НИПО по разработке методов ликвидации эпизоотических сельских хозяйств передовой практикой, лучше достижениями советской эпизоотиологии, разрабатывать новые методы, посвящены урожайности сельскохозяйственных культур, интенсификации производственных процессов, борьбы с вредителями, болезнями растений, животных и человека.

Г. М. ЛОЗА,
директор Сельскохозяйственной академии
имени И. А. Тимирязева

МНОГО, ХОРОШО, ДЕШЕВО

— Заведующий кафедрой овощеводства? — переспросила меня лаборантка. — Это Виталий Иванович Эдельштейн. Он сейчас освободится. Да вы его сразу узнаете: он такой седой и подвижный...

Действительно, скоро дверь открылась, и в коридор стремительно вышел человек в чёрном пальто и сарой капке. У него были седые виски и усы, но из-под стёкол очков поблескивали молодые задорные глаза... Судя по описанию лаборантки, это и был профессор Эдельштейн.

— Вы ко мне? — спросил он, внимательно взглянув на меня.

— К вам.

— Ну, тогда пойдёмте! — И, не давая времени опомниться, он быстро пошёл к лестнице.

Мы вышли на улицу, ещё влажную от недавнего дождя. Выяснилось, что Виталий Иванович идёт на опытную овощную базу.

— Так что, все, собственно, интересует? Над чем работает кафедра? Изучает условия роста и жизнедеятельности растений. Возьмите животных: белому медведю нужен холм, солнце — тропическая жара. И каждый организм, животный или растительный, приспособлен для жизни в определенных условиях. Например, наши обыкновенные капусты. Она никак не хочет расти на юге, а здесь, в центральных областях, чувствует себя великолепно. Вот мы и занимаемся изучением условий жизни растений. Это помогает нам активно втрагаться в жизнь растения, управлять ею, ростом, изменять его в нужном на-

Дорога к опытной овощной станции шла вдоль трамвайной линии, потом свернула на аллею. С Виталием Ивановичем помнительно здоровались встречные: было видно, что здесь в Тимирязевке его

хорошо знают. Много интересного удалось услышать в пути от Виталия Ивановича.

— Наука бывает разная, — говорил он. — Недавно один учёный проводил опыты с томатами. Вы знаете, какое урожайное и прозрачные результаты: и рост, и урожайность, и вкус — всё прекрасно. А достиг он этого нехитрым приёмом: он насыпал на участок морковные листья. По десять с половиной килограммов на квадратный метр. Томаты стали получать света больше, чем от солнца. Ну, и в результате — невиданный урожай! Только здесь имеется одно но: каждый томат обошёлся в 170 рублей. Понятно, что такие томаты наш желудок не переварит, — они ведь из золота...

Ну, а мы стараемся работать по-другому, — продолжал он. — Наш принцип: наша цель, которой мы добиваемся, можно выразить тремя словами: много, хорошо, дешево. И главное, мы стараемся максимально механизировать все процессы, получить наибольшую экономическую эффективность. Биология без механизации — это мёртвый капитал.

Виталий Иванович на мгновение остановился и крикнул:

— Лёва! Иди сюда!

Лёве — под тридцать. У него открытое, простое лицо. Он почти полностью подшёл и выждающе взглянул на профессора.

— Это наш практикант — Никонов, — сказал Виталий Иванович. — Он вам опытной станции.

Виталий Иванович свернулся с аллеи, и мы оказались перед воротами, над которыми висела скромная надпись: «Опытная овощная станция ТСХА». Здесь Виталий Иванович распрощался с нами и быстро зашагал по дорожке.

Никонов посмотрел ему вслед и улыбнулся:

— Какой подвижной человек, а ведь ему семьдесят два года! И всегда он такой — быстрый, энергичный и работает как! Удивительно много. Здесь, на станции, почти всё по его идеям делается... Ну, что же, пойдёмте на участок. Увидите результат опыта со всходами защитной бумаги.

— А что такое всходозащитная бумага?

— Это... — Никонов опять улыбнулся. — Да вы не месте сами увидите.

Мы вошли по территории станции. На первый взгляд здесь не было ничего особенного: перекопанные пустые грядки, стоящие рядом рамки парников, какие-то длинные канавы, по краям которых лежали деревянные трубы. Лишь кое-где торчали островки не тронутой осеннею земли. И вот на ней состоялся участок в конце поля. Здесь тесными рядами стояли сочные, зелёные стебли моркови, глянцевито зеленели высокие листья свёклы. И здесь же, на участке, находились несколько грядок, густо заросших лебедой, которая успела побуреть и теперь трещала на фоне зелени.

— Ну вот, — сказал Никонов, указывая рукой на грядки, — результат нашего опыта. Довольно наглядно, не правда ли?

Что и говорить, выглядя всё это убедительно: грядки, полные здоровых, сочных овощей, и рядом полосы сплошного сорняка, где

Профessor B. I. Эдельштейн с научным сотрудником овощной станции B. Ширинской.

Практикант Лев Никонов на опытном поле.

листья свёклы или моркови можно было разглядеть с большим трудом. На одной грядке каждая морковь весила добрых полтораста граммов, а на другой она едва ли превосходила по размеру обычную спичку.

Всё это было наглядно, но не совсем понятно. И тогда Никонов, наслаждаясь произведённым эффектом, сообщил, что те и другие грядки после посева обрабатывались одинаково, или, вернее сказать, совсем не обрабатывались.

Так чём же здесь секрет такого такая поразительная разница?

Как и следовало ожидать, никакого секрета не оказалось. Здесь был точный, научный расчёт.

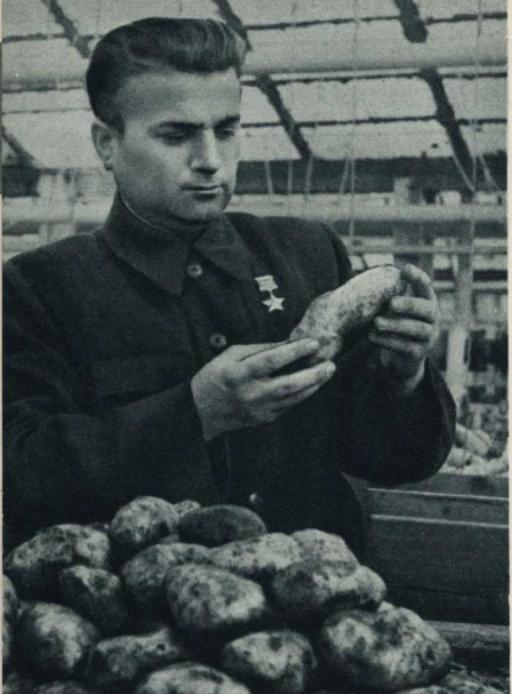
Проблема прополки сельскохозяйственных культур год от года привлекает всё большее внимание. И действительно, свёкла, пахота, уборка — всё это может производиться машинами, а вот борьба с сорняками на многих культурах ведётся по-дедовски, вручную. Экономисты подсчитали, что для прополки одного гектара моркови или свёклы нужно затратить тридцать — сорок человеко-дней.

На помощь пришла наука. Профессор Эдельштейн, ещё до войны начал разрабатывать метод посева со всходозащитной бумагой. Много лет продолжались поиски, и теперь они завершены.

На практике всё обстоит так. По экспланному полю идет специальная машина, разматывающая рулон плотной бумаги. Специальное приспособление через равные промежутки пробивает в бумаге отверстия, в которые падают семена моркови или свёклы.

А дальше всё идёт согласно законам природы: росток, посаженный культуре тянется к свету через отверстия и спокойно растёт, а сорняки, привыкшие к жизни в лужах бумагой, не развиваются, гибнут. Кроме того не передают порт бумаге, даже когда испаряются из почвы, что положительно сказывается на росте растения. Через определённый промежуток времени бумага перерывается. Остается поле с буйно растущими овощами, свободными от сорняков. В течение лета обрабатываются только междуядра.

Метод посева свёклы всходозащитной бумагой был впервые проведен на больших площадях. Проверка опыта была поручена инспектору Сергею Крылову и выпускнику академии, проходящему годовую практику, Льву Никонову.

Директор овощной опытной станции И. К. Шаумян.

Итоги опыта более чем убедительны. На участке садовничей станции было подсчитано, что на каждом квадратном метре, засеянном обычным способом, находится по двести — триста сорняков, а там, где сеяли с бумагой, — только два — три. В Люберецком районе было засеяно морковью сквозь всходозащитную бумагу шесть гектаров. В результате получено по пятьдесят пять центнеров моркови с гектара. Таких урожаев еще не знало Подмосковье.

И при этом выяснило, что применение всходозащитной бумаги обходится в десятки раз дешевле, чем ручная прополка.

Так работники овощной станции были на практике доказаны огромные эффективности нового способа. Теперь он будет широко внедряться колхозами и садоводами.

Опытная овощная станция Тимирязевской сельскохозяйственной академии — это огромная научная лаборатория, где рождаются и испытываются новейшие методы выращивания овощей, повышения их урожайности, ускорения их роста. Всё здесь акцентируется на прочной, независимой основе мичуринской биологии, смелой вторгающейся в природу, использующей всё законы в интересах советского человека.

Директором этой замечательной станции работает Герой Советского Союза Иван Константинович Шаумян. Уже долгое время трудится он над почтой и благородной проблемой увеличения урожайности картофеля, продвижением его в южные районы страны.

Иван Константинович уже добился практических успехов, выращивая картофель в Закавказье и Средней Азии. Он исследовал и доказал большую пользу фосфорных и калийной подкормки картофеля.

Но одной из самых больших удач этого пытливого члена Академии является получение двух урожаев картофеля с одной площади земли. И это без особых дополнительных затрат!

Способ разработки Шаумяном, удивительно прост и доступен. Просто сеят картофель в одно гнездо закладывая клубни раннепериодного сорта, — например, сортов «варфар» и «корх». Оба клубня дают ростки, но развиваются по-разному. Скоропротивный — «варфар» — созревает во второй половине июля, то есть когда, когда только вступает в силу «корх». Стебли раннего картофеля отмирают: он больше не растёт и не требует питательных веществ. Зато поздний сорт, как бы наставляемый упущенным, начинает быстро расти. Когда он созревает, оба сорта собираются вместе.

Принцип, о котором говорил Виталий Иванович Эдельштейн — «много, хорошо и дешево», — соблюдён.

Первые же испытания метода Шаумяна дали блестящий результат. На станции был собран урожай в сто семидесяти центнерах с гектара.

ГОД СПУСТЯ

Обычно они приезжают в колхозы и МТС ранней весной, в ту горячую пору, когда появляются окончательные приготовления к севу. Им рады, их ждут — это выпускники высшей сельскохозяйственной школы нашей страны — Академии имени Тимирязева.

С любопытством и волнениемглядят они на опытную станцию академии, он шёл по Листвиничной, знаменитой Листвиничной аллее. Он был студентом. Его учёбой и работой руководили преподаватели, профессора. К нему он шёл за советом и помощью. Теперь вчерашний студент сам стал руководителем. И к нему, как к большому специалисту, за советом и помощью придут колхозники. Справится ли, сумеет ли заслужить он доверие людей?

• • •

Ещё студентом пятого курса Михаил Максимов твёрдо выбирал место своей будущей работы — Подольский район, Московской области, колхоз имени И. В. Сталина. Здесь он проходил свою последнюю практику, здесь познакомился и сожрился с подъёмом и «заболеванием» интересами этого колхоза. А колхоз был не из лучших, больные того, отстающий колхоз. Уезжая в Москву, в академию, и прощаясь с колхозниками, Максимов дал слово обязательно вернуться сюда. Но когда он окончил агрономический факультет и приехал в этот отдел сельского хозяйства, то ему предложили другое назначение. Неторопливо расхаживая по узкому коридору, заведующему отделом мягко убеждал Максимова: «На первых порах вам надо поработать в крепком, уже налаженном хозяйстве. Потом — на поиски». И чувствовал Михаил, что за этими словами скрывается просто недоверие к его молодости. Двадцать четыре года! Но разве он зря учился пять лет, слушал лекции известных профессоров, каждый год закрепляя теоретические знания на практике? Он уже работал и комбайнером и участковым агрономом. Михаилу

Председатель колхоза имени И. В. Сталина, Подольского района, Московской области, Михаил Максимов.

Много интересного на опытной овощной станции. Здесь можно видеть и прекрасные «морозоустойчивые» огурцы, огурцы, привитые на стебль, и чеснок без зубчиков, с одной сплошной луковицей, и удивительной величиной томаты, и многое, многое другое.

Сейчас на станции сооружаются новые теплицы. В этих теплицах грунт будет обогреваться горячей водой, идущей по трубам. Виталий Иванович Эдельштейн хочет видеть подобные теплицы во многих местах нашей страны. Ведь у нас имеется много теплоэлектростанций и заводов, которые круглогодично обогревают огромные массы горячей воды. А почему бы не использовать эту воду для обогрева грунта в теплицах? Тогда можно будет получать свежие овощи в любую погоду. Этой проблемой и занимается сейчас дружный коллектив научных работников станции.

Сюда приезжают многочисленные экскурсионные и делегации из самых отдаленных уголков Советского Союза. Но самые частые посетители — это студенты кафедры овощеводства Тимирязевки. Здесь они на практике знакомятся с замечательным опытом научных сотрудников, здесь получают первые навыки благородной исследовательской работы.

...Уже собран на станции урожай, взвешены и измерены корнеплоды. Апельсины — дорожка астр — самые поздние цветы Подмосковья, — опаленные яркими дыханием приближающейся зимы, сморшились и покривились. Хрустят под ногами ледяные подмерзшие лужи.

Но работа не остановилась. Она перенесена в аудитории Тимирязевки, где анализируются результаты прошедшего лета, где возникают новые проблемы, планы, гипотезы, где обобщаются ценнейшие опыты испытателей природы.

В. АРХИПЕНКО

ярко представилась его поездка на Ставропольшину. Когда он впервые встал на мостик комбайна и оглянулся вокруг, у него даже голова закружилась — такой безбрежный простор хлебов открылся перед глазами. Ему, жителю Подмосковья, это казалось просто чудом. С тех пор часто вспоминалась Михаилу вставшая по грудь пшеница, и мечтал он себя в родине добиться таких же урожаев...

— Нет, — сказал он, глядя прямо в лицо заведующему, — я хочу в этот колхоз... Притом я обещал колхозникам помочь.

— Ну если обещали, то... счастливого пути, — вдруг согласился тот. В случаи чего приезжайте прямо к нам.

А через три месяца в сельскохозяйственной артели имени И. В. Сталина проходило общее собрание колхозников. На повестке дня стоял один вопрос: выборы председателя колхоза. И хотя была названа одна единственная кандидатура и хотя ни у кого не было отвода, кандидат в председатели волновался: могут ему и не поверить, скажут, слишком молод, пусть ещё в агрономах походит... Но колхозники дружно проголосовали за нового руководителя. И заполночь, расходясь по домам, говорили в шутку, но с большим уважением: «Теперь у нас председатель-то — академик!»

***

Небольшая комната Максимова оклеена светлыми обоями, отчего она кажется просторнее и выше. На столе стопкой сложены журналы, а рядом в плотном коричневом переплете — учебник «Овощеводство». Недавно Михаил был в Москве, засжал в академию и купил эту полезную в хозяйстве книгу.

— А хозяйство у нас большое, — рассказывает Максимов. Плотный, медлительный в движениях, он выглядит немногим старше своих лет, но когда, рисуя на бумаге план колхоза и увлекаясь, начинает говорить быстрее, он становится вновь похожим на молодого студента. — Наш колхоз объединил деяния мелких коллективных хозяйств. Здесь и животноводство, и зерновые культуры, и овощи. Принял я всё это и даже не знал, с чего начинать что главное. Но за этот год, что я председателем, многое стало ясным. Сейчас — особенно. Как говорят, открылись перспективы... Да посмотрите, какие письма я неоднократно получал...

Михаил положил на стол два конверта. И хотя одно письмо пришло из Риги, другое из Саратова и писали им разные авторы, но письма были удивительно похожими, потому что их диктовал одно чувство. Не случайно и написаны они почти в один день. Писали их студенты академии, проходившие в этом году практику в колхозе имени И. В. Сталина:

«Михаил! Какое замечательное приятно постановление ЦК партии! Просто сердце птицы пойт от радости. Как раз год нашего выпуска, и такие события!»

А вот другое:

«Михаил! Сейчас такие события происходят, что я просто не могу молчать. Как жалко, что не с вами я в эти радостные дни, а сколько мы их ждали!... Досадно, что мне ещё год придётся заниматься, а не работать. Но знания нужны, и на одном энтузиазме далеко не уедешь...»

Прочитав письма, Михаил улыбнулся:

— Хорошие девушки. Эта вторая — Лена Любимова. Она у нас всё лето опытными работами занималась. Её была поручена яровизация семян. Правда, не всё получилось гладко... — И задумчиво потерев лоб, Максимов вдруг неожиданно с силой закончил: — Вообще трудно нам было понять. Людей не хватало, специалистов, машин малоувато...

Трудно было не только в первые дни, а весь год. Знакомый с перво-

Единственный в мире

Среди многочисленных зданий Тимирязевской академии выделяется одно — светлое, с нарядной колоннадой; оно стоит на обрамленной деревянными липами и кипарисами. По бокам широкой лестницы, ведущей внутрь, застыли отлитые из чугуна стройные кони. Здесь помещается единственный в мире музей коневодства:

Музей располагает богатыми экспонатами, здесь много картин, земельных статуй, скульптурных групп, фотографий. Всего экспонировано 560 предметов. В музее выставлена картина замечательного русского художника Сергея Конёнкова, изображающая здесь князя Ивана Кильевицкого, Семёнова, Соколова, Сверчкова и многих других художников. На картинках и фотографиях — изображения лошадей с оленями, сибирских рисаков, донских, казанских и многих других городов Орловской породы лошадей, выведенных в России ещё в XVII веке, представлены особо много широкими. Здесь можно видеть не только знаменитого рисака, европейский генериди, стада Улова, но также изображение его предков — отца, деда, прадеда.

Музей имеет большое практическое значение: в нём студенты, проходящие курс коневодства, знакомятся с гордостью и видами лошадей, получают о них наглядное представление.

Есть в Тимирязевской академии замечательный сад. Здесь растут сотни сортов яблонь, десятки сортов груш, сливы, сливы-сливины, которые растут в условиях средней полосы Советского Союза. Тут праздничные, неприхотливые, раннеспелые плодовых районов — наиболее урожайные, напротив, самые поздние — самые новые, — выведенные Иваном Владимировичем Мицуриным и другими советскими селекционерами.

Кроме культурных сортов, в саду имеются многочисленные представители дикорастущих плодовых растений, которые могут быть использованы для получения семян или для декоративных целей.

Тимирязевский плодовый сад фактически является живым памятником великому русскому преобразователю природы Ивану Владимировичу Мицурину.

Классной сельскохозяйственной техникой, знающий новейшие агротехнические приёмы, бессылик Михаил был сделан что-нибудь, созданное в условиях отсталого колхоза. Попытка изменить положение сразу, с насекомка не могла дать результата. Задумали, например, ввести квадратно-гнездовой способ посадки. Но где тут уложиться в срок, имея всего одну картофелесажалку? Из района посыпались предупреждения: «Западызывает...» Дело не только в инвентаре, машинах — много времени потребовалось на то, чтобы наладить чёткую организацию работы, привлечь людей к порядку и дисциплине.

В решении десятков мелких, будничных и вместе с тем важных дел прошёл год. Рано говорить о первых успехах, их, пожалуй, пока не видно было никаким образом. Михаил упорно готовил этот трамплин.

Сколько раз побывал он в кабинете в академии, советовался, привозил семена, делал опытные посадки, чтобы лучше сеять, где на каких подиах! И вот теперь эта подготовительная работа подошла к концу. С помощью сотрудников опытной станции подготавливались составлены агротехнические обоснования для введения севооборота. Об этом Михаил рассказывает с увлечением: ведь целый год он готовился к тому, чтобы поставить свой колхоз на научную, плановую основу.

— Теперь мы знаем, что и где будем сеять не только на следующий год, но и через три года. Это не то, что раньше. Соберётся привале и начнёт гадать: мал, там, у дороги, посадим кукурузу, а может, скажут... А здесь что? Яичник или пшеница?

И отkinsну со лба прядку густых волос, Михаил раскатисто смеётся...

В открытое окно виден широкий пруд, окруженный старыми тополями. Жёлтые листья, срываемые ветром, мелленно падают по воде, в воду падают, всплывают высокое небо. Цепляясь за кусты, летят длинные белые нити — осенние паутинки.

Михаил смотрит в окно, потом поворачивается и говорит:

— Я думаю сейчас об осени будущего года. Она даст многое. Вот будут результаты! Но для этого надо работать и работать.

И уже сейчас, в эти дни, во многом решается судьба урожая будущего года.

ГОРОД МОЙ

Не церквами, не тягучим звоном,
Не дворцом из обмощальных панелей —
Домом Книги, шумным стадионом
Город мой — Воронеж — знаменит.

Знаменит своим степным простором,
Лучшим черноземом на земле,
Знаменит своим народным хором,
Выступавшим с песнями в Кремле.

Я иду проспектом, надо мною
Голубое небо, а вокруг
Шелестит зеленою листвою
Город мой — мой самый лучший друг.

Он меня от суеты не прятал:
Закала, гремел над головой...

Г. КАЛИНОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ

...Жандарм уже схватил было гладко отполированное дрекко, но знамя выскользнуло и, полыхнув по ветру алым подотинцем, оказалось где-то в центре колонны. Бросившийся на подмогу щипок из охранного отделения не смог пробиться сквозь плотно сомкнутые ряды рабочих, и знамя продолжало разеваться над демонстрантами.

Ни тротуара к двум людям в шляпах-котелках подошел третий и испуганно спросил:

— Что здесь происходит?

— «Казаки» бунтуют, — последовал раздавленный ответ.

Подопечный больше вопросов не задавал. Всюжому в Туле было известно, что такое «казаки».

«Казаки» — это слова «казак», казенный человек, лавчично приписаный к царским казенным заводам и до 1861 года просто крепостной, живший в рабстве наравне со всеми крестьянами России.

«Казак» мог быть отличным слесарем, талантливейшим гравёром, хитроумным механиком, но всё равно он оставался «чёрной костью», не имел ни прав, ни свободы...

И вот рабочие впервые организованно вышли на улицы города. Выши заявили, что они хотят жить по-человечески.

— Так они знают, но отбирали! — усмехался, вспомнился демонстратор 1905 года старый рабочий, член партии с 1902 года Тихон Никифорович Селиванов. — Досталось же нам одно голое дрекко, а подотинки мы спрятали в надежном месте, где оно и пролежало до семидесятого года...

С этим знаменем мы и встретили революцию...

Тихон Никифорович прожил долгую жизнь и не мало видел на своём веку...

Подчас, прогуливаясь по улицам города с внучкой, ученицей девятого класса, комсомольской Эммой, он любил останавливаться и объяснять:

— Вот в этом доме находился губернский комитет партии большевиков, а в этом — арестные Котлы. В октябрьские дни в Совете рабочих и солдатских депутатов мещански до хрюпты выкрикивали свои лозунги, из Москвы на грузовиках прибыли матросы. Они обратились к нам, рабочим-большевикам: «Дайте

оружие! Надо в Москве добить контрреволюцию». Рабочие ушли из заседания, захватили арсенал и выдали матросам оружие. А меньшевики и зееры продолжали переговаривать и ни о чём не договаривались. Потом хватились, да поздно! Нашими пушками уже выбывали из московского Кремля заслонки там юнкеров...

И когда Тихон Никифорович встречается со своим хорошим знакомым, Василием Георгиевичем Пановым. Коммунист с 1917 года, Панов вместе с Селивановым в горячие дни революции боролся за то, чтобы хозяевами жизни на всегда стали рабочие.

Однажды Василий Георгиевич получил распоряжение освободить помещение царского банка для Совета рабочих и солдатских депутатов.

С отрядом рабочих он пришёл в банк. Царские чиновники начали рвать все документы и прятать по карманам клапаны от несгораемых сейфов и пищущих машинок.

Рабочие спокойно стояли и ждали, пока чиновники и покинут помещение.

— Порубите отопитель! — выкрикнул один из чиновников и помахал связкой ключей. Пожилой рабочий почкался головой:

— Эх, и дурак же ты, господин хороший! Ведь ключи-то мы сами делали. Тулики, говорят, блоку подковали, а тыключи гроздиной унесёшь. Ключи унесёшь, руки наши останутся.

И к вечеру все сейфы были аккуратно открыты новыми ключами.

— Есть, что вспомнить, — думал старым коммунистом.

Но, однако, не воспоминаниями живут Тихон Никифорович Селиванов и Василий Георгиевич Панов.

Тихон Никифорович, несмотря на свой преклонный возраст, ведёт общественную работу: он является членом районной комиссии общкома партии.

По воскресеньям на квартире Тихона Никифоровича собираются его четыре дочери и два сына, внучки. Третий, самый старший сын, Фёдор, вместе с отцом участвовал в революции, воевал на фронтах гражданской войны и погиб в 1942 году, защищая Родину от фашистских захватчиков.

Первый шаг был совершен когда-то
На его булыжной мостовой.

С барабаном, голосистым горном,
С пионерской песней боевой,
Загорелым, крепким и задорным
Я прошёл по этой мостовой...

И теперь, с друзьями, как и прежде,
Распевая песни на ходу,
Но уже в рабочей спешке
По знакомым улицам иду.

Прохожу, следя, как надо мною
Пролетает быстрый самолёт,
Как простой советской красотою
Город мой, Воронеж мой, цветёт...

Сын Тихона Никифоровича Сергей — один из лучших сварщиков страны. Он работает в депо Курского вокзала.

— Сосвем по-другому, чем я, жизнь начиная, — говорит про него Тихон Никифорович. — Я несколько лет у мастера на побегушках был, пока к токарному станку подустыли. Сергея же принёсла сначала работать в котельную. До революции у котлов и остался, а в наше советское время сразу заметили, что повар сообразительный, к большому делу тягнется. Направили учиться на автогенщикана.

Умельцы спрашивали у Сергея Тихоновича. Несколько лет назад он принёс токарям свои чертежи и расчёты:

— Сделайте мне вот такие мундштуки для газовой горелки.

Когда заказ был выполнен, Сергей Тихонович проверил эти мундштуки в работе. Они были удобной формы, с увеличенными выходными отверстиями для газа.

Результа оказались отличными — струя газа усилилась, а от этого повысилась площадь нагрева обрабатываемой детали. Ни обработка золотниковых рубашек стало уходить вместо двух часов — теперь всего десять.

Благодаря высокому мастерству и рационализации Сергея Тихоновича Селиванов уж в 1949 году выполнил однажды годовых норм и работал в счёт 1946 года.

В одном цехе с отцом работает и сын Сергея Тихоновича коммандир Вячеслав. Он родился в 1931 году, окончил железнодорожное училище и стал электросварщиком.

Между сыном и отцом ведутся долгие споры, что лучше: авторен или электросварка. Вячеслав горячо и убедительно защищает электроды и считает авторенную горелку отсталым явлением.

— Может, она и так, — почти соглашается отец и тут же добавляет: — Но авторен ещё свой покажет!

А Вячеслав обращается за поддержкой к деду. Тихон Никифорович лукаво улыбается и разводит руками:

— Обрати напашу по выработке, тогда и по-говорим.

Недавно Тихону Никифоровичу пришлось всесторонне обсуждать с внучкой Эммой во-

прос, ком ей быть. Эмма хочет поступить на географический факультет Московского государственного университета. В глубине души Тихон Никифорович хотел бы сказать, чтобы Эмма осталась учиться в родной Туле.

— Разве нет у нас института? — удивляется он.— Тульский механический, Горный институт...

При встрече с Василием Георгиевичем Пановым Тихон Никифорович обязательно спрашивает:

— Ну, а как твой внучат?

— Примущественно на лятерки, а кто отстает,— подтгигиваю,— с улыбкой отвечает Панов.

Василий Георгиевич хорошо знает, что речь идет не о родных внучках, а о воспитанниках реабилитационного училища, где он преподает черчение.

О них Василий Георгиевич может говорить подолгу и с большим увлечением.

Тульское ремесленное училище — одно из самых старейших в нашей стране. Много знанных мастеров и инженеров обучалось в его стенах.

В будущем году оканчивает училище слесарь по сборке станков и оборудования, один из «внуков» Панова, комсомолец Виктор Михайлов. Родился Виктор в 1935 году в Тульской области, в Болоховском районе. Там отец и мать работали на шахте, жили дружно, имели свой маленький, уютный домик.

Но нагрянула война, отец ушел на фронт и был убит. Остался Виктор с матерью и маленькой сестрой Ниной. Потом заболела мать и умерла. Из родных у Виктора было только дядя Савелий, да и тот жил далеко, на Украине.

По старым понятиям, можно было бы назвать Виктора Михайлова круглым спортом.

Но о Викторе и Нине позабылись советская власть, и дети попали в Шекинский детский дом «Тулаголькомбината». Здесь их окружили лаской вниманием. Они сели за парты и стали постигать премудрости грамматики и дробей, готовясь к самостоятельной трудовой жизни.

Из деревни в село Виктора Михайлова направили в ремесленное училище. За годы жизни в детском доме, о нем заботились воспитатели и педагоги. Все непонятные вопросы по производственным занятиям, все возникающие трудности Виктор разрешал с помощью винтажных и опытных мастеров Павла Ивановича Нефедова и Василия Георгиевича Панова.

Этим летом директор училища Виктор Алексеевич Костромин отпустил Михайлова к дяде Савелию, на Украину.

В новенькой форме, строгий и подтянутый, появился Виктор в деревне, и его приезд уж никак нельзя было назвать «приездом круглогодового спорта».

Тихон Никифорович среди своих внучат.

Фото А. Моклешова.

Привез он для кое-какие подарки, обещая вечно деревеню и особенно занимался, как работает МТС. Там он пропадал с утра до вечера, помогал ремонтировать сельскохозяйственные машины. Механик, расставаясь с ним, сказал:

— Надо к своему начальству с просьбой обратиться: пусть к нам по окончанию отпустят. Большая поломка будет...

На канунках Виктор ни на минуту не забывал о своем училище, ставшем ему родным до-

mom. В середине лета он прислал директору письмо:

«Здравствуйте, многоуважаемый Виктор Алексеевич!

В первых строках своего письма сообщаю Вам, что доехал очень хорошо. Если бы Вы знали, какое здесь прекрасное место для отдохна! Кругом зелень, близко речка, а вода такая чистая и теплая, как парное молоко.

Спасибо Вам, Виктор Алексеевич, за то, что отпустили меня на канунках к дяде. Все были очень рады, что я приехал...

Виктор Алексеевич, здесь много журавлей. Если журавль нужен для наглядного пособия на уроке, и приезжай в училище.

А на этом писать кончено. Желаю Вам хороших успехов в ремонте училища, и постарайтесь организовать кружок изобразительного искусства.

До свидания.

Виктор Михайлов.

Василий Георгиевич Панов со своими воспитанниками.

Директор училища Виктор Алексеевич Костромин, Василий Георгиевич Панов и другие преподаватели хотят, чтобы их питомцы были отличными мастерами. Такими и вырастают их воспитанники.

У меня наше радио, — сообщила Василий Георгиевич Панов Тихону Никифоровику Селиванову после очередного выпуска. — Одни из «внуков», Коля Семин, сразу назначен наладчиком станков. Вышел из училища просто фрезеровщиком, а стал наладчиком. А на днях обращается ко мне прибывающий в училище «внучек» с вопросом: «Что такое «калок», Василий Георгиевич?» И никак я ему растолковать не могу. На все мои объяснения он твердо отвечал: «Что-то ты путаешь. Василий Георгиевич разве может рабочий быть казенным человеком?.. Разве можно по кличке к нему обращаться? Рабочий — это государственный человек!». Вот как наша жизнь повернулась!

Масакадзу ЯМАДЗАКИ

СЛУШАЙТЕ 10 ТЫСЯЧ СТУДЕНТОВ КИОТО!

Движение студентов Киотского университета за мир вызывало отклик во всей Японии. Студенты выступили против императорского строя против подготовки и новой войны. Этому движению поддержала японская газета Ямадзаки, студента Киотского университета, написано в связи с обострением, которую устроил императорский режим Японии в ожидании его посещения Киотского университета. Стихотворение напечатано в журнале «Дзиммин Бунчаку» («Народная литература»).

В тот день гнев скжал кулаки.
В этот день мы вспомнили старые счёты.
В этот день запели все, как один,
Десять тысяч студентов Кюто.
Ноябрьский цвет родной земли напоминал мне прошлое лето.

Я помню, как брата узвели на фронт из университета.
Помню, как его провожали мать и сёстры, его друзья, — помню стон, слёзы печали и сознание,

что помочь ничем нельзя.
Люди моей страны

шепух говорить боялись.
Это им было запрещено.

Но люди моей страны

шептапись.

Девушки-продавщицы табачной лавки глядела в окно,
смеялись,
извиняясь, парикмахерской подмигивал им, хозин зарнин кричал на кого-то — он всегда на кого-нибудь кричал; — все они,

встречая студентов Кюто, говорили:

«Мы не хотим войны! Довольно! Довольно детей убивать!

Довольно анагами! ¹
Так учили нас люди нашей страны,
так говорили с нами.
Песня о мире, песня о мире не знает запретов
и преград,
это крик о мире, которому научил меня мой погибший брат.
Этот крик стал песней.
Её открыто запели мы, когда в Киото приехал император Хирохито.
Её запели громко и грозно прямо в лицо этим подым людям, грянула тысячный возглас: «Верните нам родину!»

«Всёважное не будем!»
Всё это видели и слышали дети, облепившие деревья,
как птичья стая.
Даже те, кто прыгал с трапезой молчаливо, о чём-то задумались и кивали, вздыхали.
Эти люди сегодня впервые поняли и запели громко, во весь голос.
Старый Киото — сердце Японии,
Ты сегодня от песен наших молод.

Исира брошана молодыми руками.
Да взоргнится из искры пламя!

Перевела М. ПАВЛОВА.

¹ А на гами — повесть о явие на призывающий пункт.

СНОВА В ШКОЛЕ

Вера Пантюкова, окончив городской педагогический институт имени Петровского, снова вернулась в школу, в которой раньше училась. Преподаватели Мария Ивановна Лыжникова и Аина Сергеевна Усольцева радостно встретили бывшую ученицу, теперь учительницу, и впервые называли её не Верой, а Верой Владимировной.

Комсомолка Веру Пантюковой поручили вести пятые и шестые классы. С волнением она переступила порог класса, в котором когда-то сама сидела за партой. Познакомившись с учениками, Вера впервые произнесла: «Приступим к занятиям», — но в эту минуту в классе послышалась сперва приглушенный шепот, а затем смех. Внимание девочек было обращено на ученицу Галию Азол.

— Что случилось? — спросила Вера Владимировна.

— Ничего — не здудываясь, ответила Азол и стала тряпичничать.

Второгодница Галия Азол явно не давала вести занятия.

— Давайте договоримся сразу, — сказала молодая учительница, — кто не желает слушать, может выйти...

Наступила тишина. Притихла и Азол.

...Не другой день к Верой Владимировне подошла аккуратная светловолосая ученица Галия Кондратьевна. В руках она держала небольшой цветок герани.

— Вот вырастала дома, — сообщила она, — присыпала в школьный биологический кабинет.

Вера Владимировна с радостью взяла цветок. В её планах на будущее стояла задача, чтобы каждая ученица вырастала по одному цветку для школьного уголка юннатов. И вот начально сделано...

Через месяц в биологическом кабинете насчитывалось более двухсот растений. Здесь можно было видеть прекрасные традесканции, китайские розы, канни, циперус, герань, фикусы.

Увлекаясь за цветами все, даже Галия Азол увлеклась работой юннатов. Вера Владимировна поручила Галие ответственное дело — передразнить растения и их подкорку. Девочка это очень нравилось. Вскоре она перестала получать двойки, а в конце года сдала экзамен по ботанике на «отлично».

Практические занятия по ботанике привили девочкам большую любовь к растениям. Под руководством учительницы-комсомолки они теперь ведут интересные наблюдения за растениями. Ира Родинова, например, хорошо научила внимание подкорки на выращиваниях. Она посадила совершенно одинаковые стебельки традесканции. Одни из них подрастили маленьчими удобрениями, в другой просто влагой. Результат был очевиден: цветок с подкоркой рос быстрее, его побеги были сочнее, цвет ярче, чем у цветка, выросшего без подкорки.

Вера Владимировна внимает во все мелочи работы юннатов, она разделяет их радости и горести. Однажды ученица Таня Воводина привезла в класс с заплаканными глазами.

— Что случилось? — спросила её Вера Владимировна.

Таня объяснила свой горе. Было смешно и обидно. Кот Васька прыгнул на подоконник и свалил любимый цветок. Стебельк сломался. Что теперь делать, Таня не знала. Разве это не горе? Вера Владимировна посоветовала ученице срезать верхушку стебелька. Таня так и сделала. Сколько было радости, когда она через несколько дней увидела новые побеги на сломленном цветке!

Вера Владимировна сказала ученицам воспитанницам большую любовь к естествознанию. В этом учебном году она поставила перед собой цель — добиться, чтобы в классах не было посредственных оценок по ботанике. Пожелаем ей в этой успехе!

Я. АФАНАСЬЕВ

В лаборатории спектрального анализа Московского государственного университета имени Ломоносова.

Фото Я. Халипа.

Это вам к лицу.

ФОТО Я. Николаева.

КИЕВСКИЕ ЭТЮДЫ

Рисунки П. Пинкевича.

ЦВЕТУТ КАШТАНЫ

Из-за Северного Донца, который отсюда не был виден, долетали снаряды и развали на гребне песчаного холма.

Их противный свист раздавался каждые пять минут. С самого рассвета гитлеровский артиллерист с раздражющей методичностью посыпал один снаряд за другим, и над гребнем взлетали столбы песка и дыма. Тяжёлый песок падал вниз. А облако дыма медленно таяло в воздухе.

Снаряды перелетали через блинчики, и никто из нас уже больше не прислушивался к их свисту. Тогда девушка знала раза два остававшиеся и продолжала свою рассказ утром, когда снаряд разрывался.

Ей было, должно быть, не больше двадцати двух — двадцати трёх лет. Но горькая складка у рта, склонённые тяжёлой усталости, а может быть, и то, что она ни разу не улыбалась, делали её значительно старше на вид.

Большие тёмные глаза девушки соредоточенно смотрели куда-то сквозь отверстие, слу́жившее нам дверью. Крылатые брови почти слились на переносице. Изредка чуть заметно дрожали густые ресницы. Только это и вызывало огромное внутреннее напряжение, ей и до сих пор вспоминалось ею, и всё самое тяжёлое и болезненное ощущалось почти...

Грудью было додгаться, кем она была до войны? Солдаткой? Работницей? Но, верно, потому, что девушка прошёл ночь почно перешла линию фронта на Донце и только недавно тому назад была в оккупированном Киеве, воображение рисовало необыкновенную биографию. И необыкновенным — не только своей красотой — казались ей темпокарне глаза. Это были

глаза человека, который должен и который умеет всё видеть, замечать и сохранять в своей памяти.

Неделю назад она была в Киеве. Мы не видели его почти два года. Собственно, киевлянинами были одни я. Капитан из радиоузла, только учился в Киеве, но хотя он был воложен, вспоминал о нём так же часто, как и о родном Камышине.

И вот мы не видели Киева два года.

Изредка через треты — четвёртые руки доходили до нас гудкие вести о том, что там делается. Появление расстояния утратило свой прынчный смысл. Нас отделяли от Киева не семьсот или восемьсот километров, а почти два года войны, фронт, сотни разрушенных сёл и городов. Дорога до Киева была не близка и не легка.

За всё это время мы ещё ни разу не встречались с человеком, который бы своими глазами видел разрушительный Крепость, исчезнувшую в дыму. Бр и позорились налипши «тылько для припрёса».

Я не знал, что было тяжелее: слушать девушку или переключать гнетущие паузы, когда она вдруг умоляла, с трудом переводя дыхание. Тогда мы читали продолжение ужасной повести в её широко раскрытых глазах.

У входа в блинчик заселена трава.

Наполовину срезанный снарядом осокорь, выбросив новые побеги, шелестел молодой листвой.

Пахло весной. Не близкой речкой, не влаж-

ным песком, не пропыхающей землёй и травой — все запахи слились в один. Пахло весной, которую не могли убить никакие снаряды.

Глаза девушки зорко всматривались и раскрывались ещё шире. С болью и в то же время с какой-то, я бы сказал, светлой гордостью на совсем юном в это мгновение лице она произнесла так, что мы вздрогнули:

— А в Киеве цветут каштаны!

Девушка взглянула на нас тёмными глазами, в глубине которых вспыхнули огоньки неубийственной радости, и в первый раз улыбнулась.

СНАЙПЕР

Есть в Киеве, на Подоле, тихие улочки с небольшими домиками, зелёными дворами. Когда попадешь туда, вспоминаются Миргород, Золотоноша...

У домиков кое-где красуется ветвистая яблоня или стоящая вишня, и кажется, что принесли они сюда из приднепровских колхозных садов, чтобы поспироть пищевым цветом со знаменитыми киевскими каштанами.

Вот такая тоненькая вишнёвка — вся в белоте цвету — заглядывает в окно, как шаловливая соседская девочка, и инчуя её не смущает, что здесь не девичья комната, а служебный кабинет директора завода.

За столом сидит молодой ешё, широкоплечий человек в сером костюме.

Перед ним знаменитый «Макаров» — блок Зайцева, имя которого гремело на фронте. Удивительно спрашивала себя:

Сколько же там, на столе, он чертил на бумаге какую-то схему. Потом поняснил, что это киевский инженер.

Я — слушаю и представляю себе, как сотни тысячи цыплят, когда наступает срок, проклянута скорлупу и выходят на свет — желтовато-белые пушистые комочки. Но мне всё время настойчиво лежат в голову слышанные когда-то слова,

и всё кажется, что Зайцев отложит в сторону карандаш и начнёт: «Так вот, замаскировалася я и жду рассвета...»

Жизнь — удивительнейший выдумщик. И в самом деле, кто мог бы выдумать более минную картину: знаменитый снайпер руководит заводом, вырабатывающим инкубаторы! Каждый аппарат вместимостью на двадцать три тысячи яиц. И за окном его служебного кабинета белеет нежная вишня.

Зайцев посмотрел в окно, и взгляд его посетил.

— А на Урале только снег начал таять. Письмо от земляков получили. Я ведь сам уральец...

Мы собирались ехать на инкубаторную станцию. Зайцев хотел взглянуть, как действуют новые, усовершенствованные аппараты.

Он встал из-за стола, снял с крючка плащ и показал руку в угол кабинета:

— Вот здесь стояла моя винтовка. Та самая. Номер две тысячи двадцать семь. А теперь она опять в Сталинграде, в Музее обороны.

Мы вышли через проходную на тихую одноэтажную улицу, которая напоминала Миргород или Золотоншу. У соседних ворот дети играли с маленьким чёрным щенком и весело смеялись.

НОВАЯ НАДПИСЬ

Я не знаю, чем были написаны эти слова на подпрапанной, обгорелой стене, но дожди их не смывали.

Дом был мёртв. Всё в нём покернуло, зияло рваными ранами. Давно вынырнула здесь живой дух. Иной раз ни верилось, что когда-то, до войны, тут были уютные, тёплые комнаты и в каждой своя жизнь.

А время делало своё. Трескалась обгорелая штука, ветер уносил кусочки известки. Но краска крепко въелась в стену, и буки, точно последние солдаты, которые защищают уже разрушенный форт, израненные, покрытые пылью и дымом, стояли насмерть.

Каждый день, проходя мимо этого дома, я читал обстрелянную, неумирающую надпись: «Здесь сражались автоматчики лейтенанта Седых».

А ниже было выведено: «б/ХI.43» — дата обострения Киева.

Мне казалось, что непременно — раньше или позже — придет погибнуть и здесь же, на обгорелой и потрескавшейся стене, начав с этой строки, напишет поэму... Ведь грудное всего человека. А оно уже есть: «Здесь сражались автоматчики лейтенанта Седых».

Однажды вокруг дома появилась высокая ограда. К мёртвому до этой поры стоянам прислали людей. Грузовики стали подвозить кирпич, цемент, доски. Через неделю или две можно было увидеть, как где-то на третьем или четвёртом этаже из разбитого окна, как воробы из гнезда, выглядывают девчата-штукуратки.

Ическали последние развалины на этой улице.

Уже под осень, когда заканчивались строительные работы, я встретил возле проходной своего старого знакомого — Тихона Шевчука, с которым давно уже не виделся. Я и не знал, что он здесь работает.

— Заканчиваем, заканчиваем! — весело сказал Шевчук.

— Видите, уже снимают ограду. И в самом деле, на углу уже снято было ненадежное ограждение из деревянных щитов. Я не узнал обновленного дома. Архитекторы изменили его лицо, подняли ещё на один этаж, украсили колоннами. От обгорелых развалин не осталось и следа. Новая темнорозовая штукартика покрывала стены.

— Тут было надпись, — сказал я.
— А, это про Седых...
— Вы помните?
— А как же! Кто же это может забыть?

Я не знал, как объяснить Шевчуку то горькое чувство, которое охватило меня в эту минуту. Конечно, некрасиво было оставлять на обновленном доме тёмное пятно с потрескавшейся штукартуркой, но надпись... Такую надпись!

— Жаль всё-таки, — вздохнул я.
— Он сам велел замазать, — сказал Шевчук.— Как только начали работу.
— Кто?
— Да Седых же...
— Тот самый?
— Ну да. Говорят: старой славой не проживешь.

— А он что, приезжал сюда? Гостили в Киеве?
— Да он здесь работает.

Признается, это было для меня полной неожиданностью.

— Так он киевлянин, Седых? — спросил я Шевчука.

— Теперь киевлянин, а был сибиряком.

Шевчук взглянул на меня и с чуть смущённой улыбкой сказал:

— Вы думаете, что мне не жалко этой надписи? Я сам её и писал... Хлопни стоит вокруг, а я иду... Поглядел тогда лейтенант кругом и говорит: «Ох, и работяги тут у вас, в Киеве,

— Тогда я иду...»

Шевчук выслушал на меня и с чуть смущённой улыбкой сказал:

— Вы думаете, что мне не жалко этой надписи? Я сам её и писал... Хлопни стоит вокруг,

— Я иду... Поглядел тогда лейтенант кругом и говорит: «Ох, и работяги тут у вас, в Киеве,

— Тогда я иду...»

— Тогда я иду...»

Они выбежали на середину сцены и стали незамкнутым кругом — подковой, — обивая друг друга за плечи.

Головой подняли вверху торопки, повязанный красной лентой, блеснула лезвие, лента выплыла в воздух, и поплыли подкова, как венок по тихой воде.

Медленно, очень медленно, как бы преодолевая тяжесть драмы, дышали танцоры. И можно было видеть, как мальчишеский подросток разглядывает их своеобразную одежду. Расшифровки плотно облегали грудь, за спиной висели чёрные саржевые, они казались болтыми сложенным крылом. Красные шерстяные птицы спускались на лёгкие пастушки сапожки с короткими голенищами. Чудом держались на чубутах головы широкополые шляпы с длинными перьями — синими, зелёными, вишнёвыми...

— Рад прибыли! — крикнул головной.

Тонули сорок каблучков, и вместе с ускользающим ритмом знакомой мелодии закружилась пёстрая подкова.

— Да прибыли!

Вожак взмахнул торопиком. И словно ветер пронесся над головами тысяч людей, собравшихся на кругом склоне Днепра, в Зелёном театре. Не с Карпат ли подуть этот ветер сюда, к киевским кручам? Пахнуло в лицо горной свежестью, долетел шум реки, что омыла мраморные ворота. Далеко впереди в пыльце между гор борёй спряталась этот прозрачный погон-рущей. А входит в силу — склады рушат и сметают с пути. Стоит на Довбушевой горе, стоит-туда под ветром чёрный бук. Не следят уже туманы над Днестром и Протром, над Черемошем — виден и в Киеве, виден тот красавец-бук. И дреющие троны в горах. И новые дороги через Карпаты, которыми прошёл в освободительных походах неутомимый советский солдат.

Сменялась краска перед глазами: быстрее закружилась подкова. Гордо откнулись головы танцовщиков, пылают обветренные лица.

— Айда круче! — несётся из круга.

Тонули разом сапожки, и двадцать голов сливались в один:

а я, братцы мои, плотник! Давайте скорей доюю: работа ждёт! — Шевчук улыбнулся и продолжал: — И приехал к нам. Вот уже трижды мы с ним в одной бригаде... Он поднял голову и крикнул кому-то:

— Стойте, я вас жду!

Сверкну донесение:

— Ни третьям... Рамы ставят. А что?

— Мы его по старой привычке лейтенантом зовём... — пояснил Шевчук.

Мы обогнули дом.

Когда уже подходим к лестнице, Шевчук показал на большую доску, укреплённую на стойках посередине двора.

— И он там... — кивнул головой мой спутник.

Я прочитал первую строку: «Бригада Седых».

— Это тоже я пишу... — не без гордости сказал Шевчук. — Как в первый раз смыл дождь все наши пожелания, хлопни и наслели на меня:

«Пини! У тебя... — говорит, — со лет надпись жить будет».

— Айда круче!

Должно быть, в давние времена родился этот гордый танец лесорубов и овчаров,沃尔ны опрыскив с Верховине.

Танцуют гуцулы.

Пятеро из них — трактористы. А ещё есть среди них колхозные чабаны, и лесорубы, вооружённые топоры, электропилами, и молодница известной в всех подлинниках, гуцульской рабинки, и радиомастер, который неустанный заботится, чтобы люди везде слышали, что принёс в Карпаты красный день, великая новина.

— Айда круче!

Уже вихрем несётся круг. Летит! Вот так летят горным потоком плот-карван из-под Синего Вира до самой Тиссы. Только pena и брызги вихрятся в лицо. Синий и сине-чёрное. Над цветистым вихревым кругом несётся одно восторженное слово: «Аркан».

В Карпатах этот танец — «Аркан» — как горный поток, катится от селенины к селению, новые танцоры сменяют уставших, и с вершиной на вершину, из долин в долин бежит-струится, под песнь, под бубен, под многоголосый шум, нескончаемый гуцульский «Аркан».

Над цветистой волыжкой — топорик, как молния.

— Ещё круче!

Людской волхов, сметав все пределы скромности, сёсся с такой быстротой, что не верилось глазам, откуда взялась эта сила!

— Ещё, ешё круче!

Летит цветистое кольцо, уже не касается земли.

И тысячи зрителей охватывает жажда движения, неудержимого полёта, всеноглощющий восторг.

Это было тёмным сентябрьским днём, в праздник воссоединения, в Зелёном театре, на киевских кручах, под которыми величаво текёт Днепр.

И вот здесь, где глазу открывается даль, такая прозрачность, что виден могучий бук на Верховине, гуцулы танцевали свой «Аркан», вихревую пляску карпатских богатырей.

ЗЕЛЕНЫЕ ЛИСТЬЯ

Вы заметили, что прошлой осенью тополи и желтелеют?

Удивительное дело! Так и вышли на единоборство с морозом, шелестящие, зеленые листья. И только вы заметили, что покутали ли их на это никакая деревенческая молодость или такая уж бушевала живучая и крепкая сила в их тонких и гибких стволах, что листья никак не желтели.

Как только повеяло первым холодком, запалили клёны. Каштановые листья окаменелими золотыми ободочками.

Осыпался лачугатный багряный клён, а следом за ним стали падать на землю и каштановые листья... Шуршало, шуршало по ногами.

Видели тополи Шевченковского бульвара, как осиротели клёны, как отгордились чёрные ветви каштанов и гордые киевские красавицы стыдливо прижались к деревьям.

Покрылся деревьями и дубовый листок. Цепко держался он на дереве — и все знают — продержится до самой весны.

А тополи шелестели зеленою — им хоть бы что!

Ветер налетал на них синеву, с Брест-Литовского щоссе, подкрадывался из-за Днепра и с разбивчивым посвистом, перекосичи Крешатика, влетал на бульвар. Тополи качались, но не отдавали в руках свою зелёную красы.

Так простояли они до самого снега.

И СНОВА ЦВЕТУТ КАШТАНЫ

Нет, мне не показалось. Безусловно, эту женшину я где-то видел.

Она была среднего роста, статная, и на вид ей можно было дать не больше тридцати лет. Спокойно и чуть задумчиво смотрели большие тёмные глаза, над которыми распределись крылатые брови, почти сходившиеся на переносице.

Вот именно эти, поглощённые какой-то мыслью глаза...

Молодая женщина очень тако поднималась вверх по улице, ведя за руку мальчика лет четырёх или пяти. А я шёл на встречу, как только возможно замедлила шаг. Мне дорога была каждая секунда... может быть, память всё-таки что-нибудь подскажет? Напрасно. Мы разминились и пошли в разные стороны. Но через час или два, когда я возвращалась назад той же улицей Ленина и снова встретил эту женшину с мальчиком, воспоминания пришло само собой, на диво легко и свободно. Может быть, произошло это потому, что ей образ всё время стоял перед моими глазами, и нужен был лишь один толчок, чтобы всё приводилось в движение.

В другой раз я, может, и заколебался бы, стал бы себя проверять, а тут и не миг не вспомнил никаких сомнений. Да, это она, та девушка-разведчица, которую я видел за Северным Донцом весной марта третьего года, когда она пришла из оккупированного Киева. Теперь уже даже не внешнее сходство, а какая-то беспинчевая внутренность уверенности говорили мне, что это она. И с разительной ясностью встали передо мной майское утро, берег Донца, противно завывавшие снаряды, перелетавшие через наш блиндаж, и усталое разведчицы, рассказывавшей нам про Киев.

Конечно, ни настоящего, ни партизанского сбоя не было. Но какое это имело значение?

Всё же, чувствуя себя несколько неловко, я подошёл и напомнил ей о Донце, о разговоре

Удивлённые снежинки долго крутили, прежде чем коснулись раскачиваемых ветром листьев.

Никогда ещё не видели такого киевляне: на зелёной листье снег.

Но ещё удивительнее было то, что и под снегом листья не желтели, не ссыпались.

Тогда на эмлю зловещи ударил утренний мороз. Настоящий, зимний. И тополевый лист, такой же неувядаемо зелёный, как летом, стал падать на землю. Прохожие поднимали его на заснеженные дорожки и брали в тёплые ладони — он был живой.

Я помню, как сажали эти тополи. Перед войной они были ещё совсем тоненькими деревенками-подростками. Выдергивали вручную. Поднялись. И, глядите, какой налились силой. Зелёными против снега поплыли. Каждое утро наливали дерево, и молодечи посвистывали, задевая ветер к дереву на бульваре, словно выпытывали.

Ну, как? Мэрзите?

Но однажды утром ветер подул с другой стороны, разогнался, и неожиданно даже для самого себя, изменил февраль; изменил мороз, заменил ветер, и молодечи посвистывали, задевая шепнул молодым тополям.

Тогда они вспомнили, в предчувствии великой радости, запушили, запушили, словно на их ветвях-притухах уго густы высасывали и по-весеннему шелестели зелёные листья.

в блиндаже. И вдруг вспыхнули ёё темнокарие глаза.

— Да, помню, — тихо проговорила она.

Мы стояли друг против друга, знакомые и незнакомые, взаимовлюблённые и немножко растерянные.

Десь лет протекли, словно широкая река, чтоб проложить мост через эту реку, на ней было очень многое вспоминать. И, может быть, лучше всего в такую минуту просто помолчать. И мы молчали.

Сдержанныя и чуть смущённая улыбка светилась на ёё лице.

И тогда, чтоб нарушить бесчур спать затянувшее молчание, чтобы что-нибудь сказать, я спросил:

— Ну, как вы живёте? Что нового?

И как только вырывались эти пустые, затёртые слова? Может быть, и надо было спросить, но иначе, совсем иначе. Ведь мы виделись всего один раз, и при таких необычайных обстоятельствах. Да и когда это было? Десять лет — широкая река.

Она держала за руку маленького мальчика. У неё синя, синяя, рабыня — всё то, что люди называют полной жизнью.

Что нового? — переспросила молодая женщина. — Много, конечно, очень много! — И приблизила с мягкой улыбкой: — Вот вчера зацевели каштаны. Всё сразу...

И в глазах ёё мелькнуло далёкое воспоминание.

Подняв липкие белорозовые грозды цветов, каштаны вились вдоль тротуаров к Крешатику двумя ручьянами-алелями.

Сколько бы раз в жизни вы ни видели, как расцветают киевские каштаны, привыкли к этому нельзя!

Много нас проходило люди. Вверх и вниз мчались машины, впереди гнали Дети играли в «классы».

Молодая женщина крепко пожала мне руки. Мы поглядели друг другу в глаза, дружески улыбнулись и разошлись.

Во второй половине мая в Киеве цветут каштаны.

Джок ГРЭХЕМ

ВСТАНЬ, НАРОД МОЙ!

Джон Грэхем — австралийский писатель. Его стихотворение «Встань, народ мой!» напечатано в прозрачной австралийской газете «Грифон».

На Австралию льются дожди. И с боям они каждый раз засуетственные беды несут в залитые долины, потому что повсюду сейчас берега поразмыты у нас, берега поразмыты у нас, и размыты пластины.

На Австралию льются дожди и сдирают покровы с полян, словно ширкуры с подохших волос, принося населению горе. Резиняются реки, шипы, и повсюду владеют крестьяне, превращающие владения крестьян в желтопленное море.

Море слз заливает огромную нашу страну, а дожди понизили реки, залывают подобно корыту. Надо б строить плотины, да деньги идут на войну, на войну, на войну — всё тому же Йолл-стриту.

На Австралию льются дожди, и безземные дети бредут, и голодающие дети бредут среди землей желточных... Надо б строить систему плотин. Но в каких сравнении идут гиенические от этих плотин с давниной акций военных!..

А бывает и так в этой стране разные языки смеются, солнце всё выживает в полях — от травы и до газона. И повсюду скелеты коров и скелеты овец, как на поле жестоких боев, утихают равнины.

Выграют поля и луга, выграют леса и сады, полыхают виды города, полыхают закаты. И в стране из всех деревень забирают людей молодых, как баранов, насильно стригут, и насильно вернут в солдаты.

И всё большие нагаи, родного народа араги, прятоки любят трудовых, утихия погromы, превращают в оружие смерти сталь, которая льёт на пластины, превращают поля в пустыни и гремящие аэродромы.

Призывают бороться за мир, я зду по родимой стране. Почему нам война не нужна, объясняю открыто. Встань, ступай, народ мой родной, преграждай дорогу войне! Не давай никаких барышней фабрикантов войны с Йолл-стриту!

Перевод с английского
Вас. ЖУРАВЛЕВ

В РОДНОМ УЧИЛИЩЕ

Повреждение на линии! Здесь приготвляются знания, полученные в училище.

Сразу и не узнати их. Саша Кондратович, занятно выросший из мальчика Шапокляка, хотя и остался тем же мальчиком, зато раздялся в плечах, посыпал зелен. Как-никак прошло почти восемь лет с тех пор, как они окончили московское ремесленное училищное связь № 1.

Всегда же Александр Афанасьевич Чехов, мастер производственного обучения, внимательноглядящийся в лица своих воспитанников.

— Сашу помню я в ты, Волктор, в какой группе был?

— И я помню Барбосова, Акинтия Степанова... Вот в этой комнатае вы еще прибрзали меня как-то за опоздание.

— Этого я не помню, — мастер улыбается.

Сколько труда нужно было приложить, чтобы вычитывать из подобных записей! Шапокляк, хотя и учился в А-тымре, а теперь работает на Севере, в Печенге, Саша — в Казахстане. По всей стране — в Калмыкии и Ставрополе, Владикавказе и Чите, — где только не работают выпускники этого училища.

«Пустыне не удивляют Вас, эти страницы моего письма», — пишет один из них — но без волнения, без тёплого и светлого воспоминания не мог я читать в газете «Комсомольская правда» рассказ о национальном парашютистке Павле Григорьевне, оставшейся работать в Краснодаре, где связи № 9, стал радиооператором и был послан работать на свой родной остров Врангеля. Не мог читать без волнения, без тёплого и светлого воспоминания потому, что сам я сидел в кабинете на задней полке этого училища — таким то семнадцатилетним пареньком, нааждущим уехать работать хоть на Северный полюс, хоть на самый край земли.

Родина — это другое. Одни другие спешат в училище мальчики и девочки в форменных чёрных пальто, ловко подложенные широкими ремнями. Начинаются занятия.

...Кабинет, где занимаются будущие работники телеграфа. Люда Тимофеевна, диктуя, диктует громкие ленточками в косынках — сегодня диктунок. Она снимает с механизмов тяжёлые покрывала. Другие девочки заправляют аппараты красной и затем их выключают. Потом они сажаются за столы, на которых лежат переносные телефоны, и через полчаса на камдом столе вырастает груда телеграфных лент.

В другом кабинете тишина. Девочки внимательно слушают Анну Дмитриевну Петровну, записывающей в свет телеграфом сложные формулы математики, физики, биологии, географии.

А внизу, в мастерских, такой шум, что обильянуть можно только жестами: идут практические занятия группы надсмотрщиков наладки и литья.

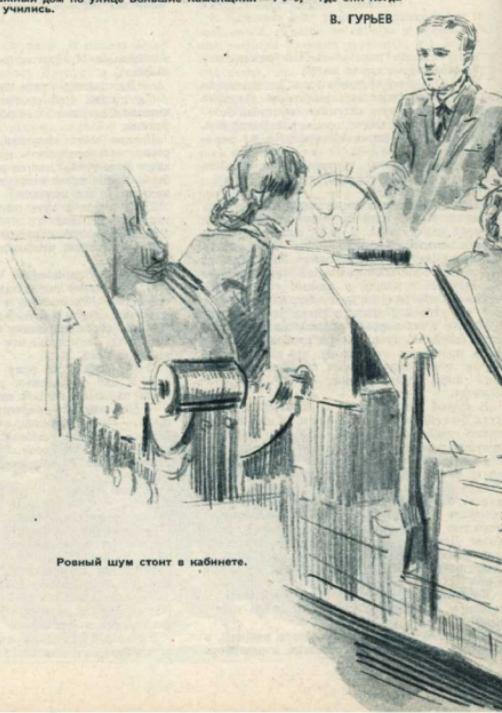
Вот три товарища: Лёша Самойлов, Толя Фёдоров, Саша Ухин. у них задание — выпилить из беловано молоты. Инструмент, которым работают ребята, — тиски да драчковый напильник. Задание наработано: выпилить из беловано молоты, которые должны быть нужных размеров, работают неторопливо и сосредоточенно.

Через несколько лет где-нибудь в Сибири или на Севере они со скрытым и радостным чувством вспомнят этот высокий четырёхэтажный дом по улице Большие Каменщики — Ры-2, — где они нынешние ученицы.

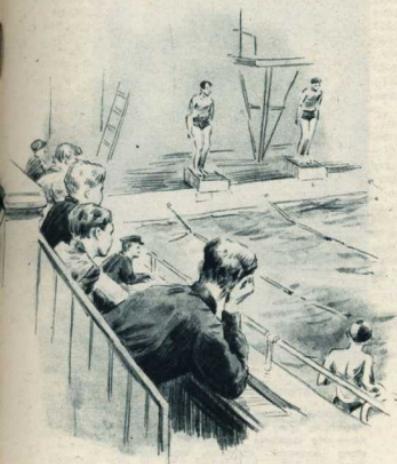
В. ГУРЬЕВ

Отличница учёбы Лариса Тихонова.

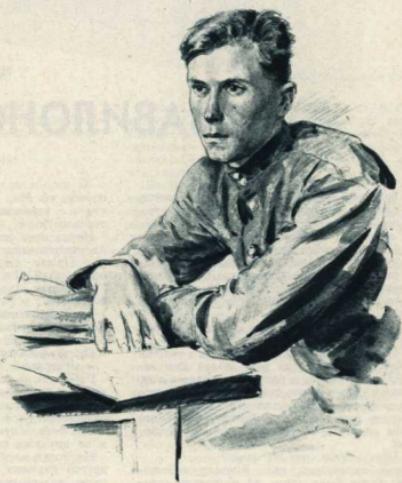
Ровный шум стоит в кабинете.

Кто быстрее?
Идут соревнования.

Комсомолка Зина Антилова.

Комсомолец-отличник Виктор Жерносов.

Спешим с автором Гаше.

Гонка, стара вида, драм'я
підійде, єсти, що «мі» нас
відійде та іде в іншій, «Іла»
діяльній та меншій, «Вітчизні»
жев на, як ми відійде сіт.
Ми тоді поїхем стедети,
які ми будемо відійти
рек, «Історія», як ми будемо
відійти відійти, жев стедети,
як ми будемо відійти відійти
зіткнені зіткнені або поїхем ві-
дійти в 1952 р. (їхнім чином)
насаму розійтися відійти ми
ізгубі, як ми не відійти.
+ Спешим згадати +
аліх роз. Ат. тієї осіні
драйве панік, пакоди + пако-
ди відійде відійде відійде.

Ирик Марек

Ирик МАРЕК

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Рассказ

Я бригадир, а не поп и поэтому, разумеется, библию никогда толком не знал. Но то, что происходит здесь, честное слово, здорово смущает на случай, описанный в библии. И ребята тоже сразу прозвали в шутку этот участок Вавилонской башней. На четырехах он, как полагается, объект «Д-14», опорная колонна для трубопровода, но для всех, в том числе и для меня, попросту Вавилонская башня.

Все началось с того, что однажды утром меня вызвал инженер и сказал:

— Надо, собирайся, или на участок «Д-14». Была там целая туча людей для закладки фундамента.

Прихожу на участок и вижу, что никакого фундамента нет. Бегаю по стройке, пытаюсь разыскать людей, но мою бригаду как будто изъяли слизнуло. Мчусь к телефонной будке, звоню:

— Чёрт возьми, где же люди?

Потом выясняюсь, где. Бригада действительно впереди была здесь, но её срочно перевезли бетонировать узел «Г».

— Псысько тебе человека, пусть он пока рюм им для фундамента. Работы там — раз, другой кому лопатой — и готово! — крикнул мне инженер в телефонную трубку и сразу

повесил ей. Мне даже не удалось сказать ему, что я с удовольствием хоть посмотрел бы на эту лопату.

Но на этот раз он был прав: через минуту на участок явился какой-то парень.

— Продуй пана, мне писали тутай.. я, я, пропуши пана, Янек Каменски.

«Вот так здорово», — подумал я, — прислали попыка!»

— Добро пожаловать! Поляков я знаю, работать вам будет. Рить будешь вот тут... Понимаешь?

Он заулыбался:

— Разумев.

Работы я не боясь — бригадир или не бригадир, на это я не смотрю — и тоже берусь за кирку. Колаём... Иногда он меня о «бэм-нибудь спрашивал», а я ничего не понимаю.

«Не беда, — думаю я, — приду наши ребята, и он научится говорить по-чешски».

Успел я к этому подумать, вижу: идет другой парнице, загорелый, кудрявый, глаза горят, переброшено через плечо, а сам ухмыльяется:

— Молодые борцы за мир из различных стран — делегаты молодежных конгрессов и слайтов — принимали активное участие в работе на стройках социализма в Чехословакии.

Читателям журнала «Смена»

Рассказ, который вы, дорогие друзья, прочтёте, взят из моего нового сборника «Мій картина и ульбка», — посвящённого великой стройке социализма в Остраве.

Я рад, что советский читатель, имеющим которого мы, писатели Чехословакии, очень дорожим, ознакомится с одним из моих новых произведений.

Я счастлив, что мне довелось побывать в вашей прекрасной стране. Я счастлив, что смогу рассказать на родине о советской молодёжи, о жизни в СССР.

Примите мой сердечный привет и пожелания больших успехов, которым мы в Чехословакии радуемся всем сердцем.

Да здравствует вечная дружба народов Чехословакии и великого Советского Союза!

Ирик МАРЕК

— Эй, другари, каде е майстер Новак?.. Ангел Костов, болгарин.

— Добро пожаловать к нам! Кто будешь по специальности?

С минуту он раздумывал, потом сказал:

— Студент.

— Так беретачку... Вот эту! — и показывал ему, чтобы поняли.

А он смеётся:

— Чудесно!..

Я подошёл к лопатке, кирку, а поляк и болгарин лягли в знак согласия.

— Ну-да, ребята, — думал я про себя, — вы понимаете, но у меня от такого «разговора» быстро устанут руки, чём залы! Я хочу ещё раз познакомить инженера, узнать, что с бригадой, но в это время внизу паренька, глазекошего по сторонам.

— Послушай, хлопец, ты ищешь участок «Д-14»?

Я чувствовал, что ко мне посыпают всех, кто ещё не распределён по бригадам. Он же только кивает головой: «не понимаю, моя...»

Венгр... Определению его направили ко мне. Замечал, что у него есть записка: «Участок «Д-14», мастер Новак».

— Новак — это я, а вот это участок... Венгр сбросил пиджак и поплевал на ладони...

Итак, работа продолжалась. Когда надо было что-либо сказать, я брал инструмент, показывал и называл его по-чешски. И товарищи сразу понимали, о чём шла речь.

Работа спорилась.

Вы, наверно, мне не поверите, но к нам привел еще один: такой смуглый, худощавый, с красными щеками в петлице. Он подошел ко мне и представился:

— Луиджи Бардини.

Больше, что я его не пойму, итальянец быстро быстро заговорил. Я только вздохнул, поднял лопату и подержал её перед ним. Потом скрылся в будке, отшёл пот со лба и позвонил инженеру:

— Ради всего святого, что вы придумали?

Шутите, что ли? Ведь тут, на моём участке, собралось полмира, и я никого толком не понимаю. А теперь ещё итальянец...

— Уважаемый мастер, не волнуйся... слышу я, как воркует инженер (когда он называет тебя «уважаемым»), то всегда знаю, что за этой великолепностью кроется какой-нибудь подвох...

— Положение совершенно ясное. Этот итальянец из итальянской группы, работающей у подрядчиков. Что касается меня, то, разумеется, тут нет ничего удивительного: у нас здесь их довольно много. И полях не слишком удивляйся тебе, мастер. Весь в Польши один шаган.

После этого объяснения я немного успокоился. Но тут кто-то постучал в двери: должно быть, пришел новый работник!

Выскакиваю и вижу: стоит молодец, чёрный, как смоль. Это цыган. Жему ему руку:

— Тоже на участок «Д-14»? Говоришь по-чешски?

— Угу,—оскалился цыган.

— Может, умеешь и по-венгерски? — спрашивала я.

— Итог,—отвечает он немедленно.

Братцы мои, во мне вспыхнула искра наядки:

— А по-болгарски? А по-итальянски? Ведь ты, чёрт, наверняка обожаешь весь белый свет? И, не дождавшись ответа, я тиху цыгана к бригаде:

— Ребята, вот переводчик! Теперь у нас всё пойдёт, как по маслу. Так говори... Как тебя зовут?

Ну, как... Вроде Дано...—умехнулась цыган.

Дано начал говорить, видимо, по-венгерски, но, слушая его, наш Пинта только моргал глазами: похоже было на то, что он не понимал цыганца.

Я подозвал болгарина Ангела.

Цыган ещё пуще разошёлся: Ангел понимающе кивал ему, и я был уже на седьмом небе оттого, что хоть Ангел понимает... Н-да, но болгары часто поступают наоборот, кивают тогда, когда хотят сказать «нет». Бедняга Ангел показывал, что он не понимает. На этом испытание окончилось, и я покаялся Дано его рабочему месту, потому что как переводчик он не стоял и виновнику табаку.

Вот так и работали мы в бригаде, в которой никто, как следует, не понимал друг друга. И, чтобы помочь товарищам, я стал учить их говорить по-чешски. Скажешь им:

— Ребята, не забывайте, прежде всего — производительность труда.

И они сразу поймут. Каждый повторяет на своём языке:

— Вызываемость працы, прышу пана...

— Продуктивніна...

— Да, да, продуктивна работа...

А и слова:

— Социализм...

А они все хором:

— Так, да, социализм...

Время шло. Опорная колонна для трубопровода росла, как на дрожжах. На стройке нам все завидовали. Но мы не представляли себе, что со мной произошло дома. Хотите верите, хотите нет, но в течение этой недели я говорил на такой тарабарщине, что жутко было слушать. Бывало, вернёшись домой в субботу, жена приготовила тебе праздничный пирог, жаркое и кнедлики, а ты брыкнешься:

— Даешь добры, кишасонъка...

Да, что касается языка, то тут действительно была сплошная путаница.

Но когда на нашем участке появилась будущница Анейка, мы все сразу стали очень

хорошо понимать друг друга. Разумеется, она могла бы торговаться и за свой стойкий, но так как была очень бойкой, то принесла пиво и лимонад прямо сюда, на стройку. Честь и хвала тебе за это, девушка! Внешне Анейка очень миловидна. Но главное её достоинство заключалось в другом: поскольку она работала в нашем «Бавилоне», то знала не меньше тысячи языков.

Болгарина имя ангельское, а кровь горячая, как у дьявола. Когда он увидел Анейку, то сразу же восхищённо:

— Ой-ой, красавица!

Анейка тотчас поняла его и подала ему пиво.

А Пинта Кошмети даже забыл, что у него в Бенгрии осталась девушка, и асё твердил:

— Кисасонъка здесь, кисасонъка там...

Остального мы были непонятны. Зато, как я заметила, его очень хорошо понимала Анейка.

Не отстал от них Яинк. Он сладко заговорил на своём польском языке, что Анейка — очаровательная девица.

Но всё это было пустяки. Настоящее начало тогда, когда пришла Луиджи. Он с грохотом обросил с плача досками, растянул свою, товарищескую и начал разговаривать таким соловьём, что даже меня трясло:

— Мадонна белла... кариссима!..

И что бы мы подумали, она и его прекрасно поняла, улыбнулась и сказала:

— Молчите вы, лиса!..

На этот раз все тоняли, чтò означает его последнее слово, и напустились на него:

— Не с возможно, да будете неутрален.

— Пан не может быть неутрален.

Швейцарец слушал и покинул плечами.

К счастью, тут был цыган Дано:

— Айрап, лос, лос... Работают, живе!... —

Это он запомнил еще с тех времён, когда сидел в гитлеровском концлагере...

И вот выяснилось, что швейцарец был за «работу», за «производительность труда» и «социализм» было ему не по душе.

В конце концов, это — его личное дело. Но тут его застал за живое итальянец, который понимал его больше, чем другие. Они довольно долго разились друг с другом, пока швейцарец не сказал, показав на напутную стройку:

— Айре вое.

«Что ж, прекрасно, расшевелили и швейцарца», — подумал я, — «он просит неделю срока... Вопрос только в том, упрашиваем ли мы...»

После этого на нашем участке состоялось большое собрание. Людей на нём было немно-го, но спорили они довольно долго и жарко. Тут, как и тогда, когда приходила Анейка, мы сразу же все начали хорошо понимать друг друга. Возникла даже покрекре за работу — и швейцарец был среди самых первых.

Анейка каждый день забегала к нам по-быть. Самы понимае, чтò стант с девушкой, когда ей друг единодушно объяснялся в любви столько людей разных национальностей!

Рисунок В. Васильева.

Много тут было шума и смеха, пока она не расправила свою пиво и не отправилась дальше. Пинта Кошмети крикнул ей вслед что-то по-венгерски.

А она ему тотчас же ответила:

— Вы же знаете, что приду!

Не успела она поклониться со штабелем досок, как посыпалась возглас:

— Хелло, фрэйлэнд², одуку бутылочку!

Это был швейцарец, который работал монтером на электростанции и, как видно, тоже хотел уговорить свою жажду. Он подошёл к нашей бригаде и присел поболтать.

Ну и беседа же была у нас! Швейцарец шипит на Пинту Кошмети, и, конечно, не понимает, о чём говорит болгарин. При этом и мы должны были рассказать ему кое-что. Всех нас трясло от общего мышления, исходящего со своей спорной колонны. Был обширновозможен также говорить, но если этот швейцарец не покорялся с монтиром на электростанции, то все мы вылетим в трубу.

Ангел хотел объяснить ему всё это по-чешски. Но лицо швейцарца из рукавицы было изнанкой и не могло быть нейтральным. Он же всегда молчал, пожимал плечами. Однажды швейцарец признался:

— Возможно, есть кое-что в этом социализме, и, понизив голос, добавил: — Но, понимаете, я должен быть озорожен...

Короче говоря, этот швейцарец озорожничал. И я подумал: «Хорошенький же у них там получается нейтральный! Если на своей родине «нейтрал» должен крепко держать язык за зубами!»

Я хотел бы, чтобы вы посмотрели, как заинтриговалась эта девица... Моя рабыня потрудилась на славу. Вавилонская башня была изнутри построена. Швейцарец также сдался. Ребята украсили нашу башню цветами и на большом листе бумаги написали понятное всем слово:

— «Мир — рокой — расе — бѣѣѣ!»

У самого верха колонны, на стремянке, стоял швейцарец. Большой кистью он выводил рядом свое: «Frieden».

Ведь в этом вопросе даже «нейтрал» не может оставаться нейтральным.

Соправший перевод с чешского

Георгия Шубина.

¹ Моя прекрасная, дражайшая (и т.).

² Девушка (и е м.).

Переводчица Лу Сун-хо.

ЛУ СУН-ХО И ЕЕ ПОДРУГИ

Яркое осенне солнце залило широкие улицы, арки, дворцы, Мавзолей. Мы идем по одной из главных улиц города — Пекина. На перекрестье высится арка с дозорщиками, прославляющими Коммунистическую партию и Народно-освободительную армию.

Вдруг по лицу нашей спутницы, переводчицы Лу Сун-хо, пробегает умык.

— Смотрите, — говорит она, — вот здесь проходила наша демонстрация. Это было вскоре после капитуляции Японии. Мы несли лозунги: «Вон американец», — останавливали автомашин и писали на них эти лозунги. Провожение нас аплодировали. Полиция стала в нас стрелять. Всех легли на мостовую. Все видите эту плиту у туттуара, которая немного потрескалась? Рядом с ней я как раз и лежала. Когда стрельба закончилась и демонстрация кончилась, все мостовая были усыпана надписями: «Вон американец».

Биография Лу Сун-хо очень характерна для китайской студенчества. В молодежной организации, рабочем комитете рабочим Китайской коммунистической партии, она участвовала в годы гоминьдановского террора, когда училась в университете в Пекине. Раньше Лу Сун-хо лишь догадывалась о существовании организаций. Но однажды одна из её товарищ предложила ей вступить в подпольную группу.

— Но ведь я так мало знаю и умею, — сказала Лу Сун-хо, боясь, что не справится с заданием.

— Ничего, мы поможем, — ответил товарищ. Так Лу Сун-хо стала членом подпольной молодежной группы. Все поручения она получала от одного товарища и только с ним она была связана. Лишь после освобождения она узнала, насколько разветвленной была организация в университете.

После освобождения Пекина Народно-освободительной армии Лу стала секретарем молодежной организации на своей факультете. Молодые люди уходили на общественные работы. Студенты создавали агитбригады и ездили по деревням, разъясняя смысл происходящих в стране событий, помогая проводить аграрную реформу.

Когда американцы напали на Корею, группа Лу Сун-хо получила задание вести пропагандистскую работу на окраине Пекина, в одном из кварталов, заселенных почти сплошь властелинами мелких лавочек, ремесленников. Obviously группа студентов и студенток образовывала круг посредние улицы, и под моряны удары барабанов девушки начиняли танцевать. Когда вокруг собирался народ, кто-нибудь из студентов рассказывал о злодеяниях американских агрессоров. Отделение, на котором училась Лу Сун-хо, за проделанную пропагандистскую работу было отмечено как лучшее.

Одновременно студенты много занимались в университете. Надо было овладеть новыми

знаниями, изучать марксизм, стать специалистами, нужными стране и народу. Обычно вставали в шесть часов утра, с небольшим перерывом сидели за книгами до десяти часов вечера.

Цели молодёжной организации помогали партии воспитывать студентов преданными сыновьями и дочерьми родине. В общежитиях наибольее политически подготовленных студентов селили с теми, кто еще не понимал правильно события, приведшие к установлению власти народов.

Лу поселилась с дочерью одного бывшего крупного гоминьдановского чиновника. Создание этой девушки было исковеркано воспитанием в доме отца. Она любила американские фильмы, ей нравились крикливые американские моды.

Девушка держалась в стороне от общестенной жизни факультета и явно не одобряла поведение студентов, с энтузиазмом поддерживающих все начинания Коммунистической партии.

Мы много с ней спорили, — говорит Лу и не без гордости добавляет: — А сейчас она член Ново-демократического союза молодежи. Когда армия обратилась с призывом вступать добровольцами в её ряды, моз подруга подала заявление.

Летом 1952 года Лу Сун-хо окончила филологический факультет Пекинского университета и была направлена на работу в Китайский комитет защиты мира.

Родители Лу — представители китайской интеллигенции: отец — инженер, мать — художница. Они сразу же примкнули к революции и сейчас работают для народа. Брат её — коммунист, офицер Народно-освободительной армии.

Вся семья Лу живёт тем же, чем и весь новый Китай.

Однако среди китайской молодёжи можно встретить таких юношей и девушек, которые вынуждены были даже порвать со своими семьями, чтобы отдать все свои силы служению народу.

На Китайском комитете защиты мира нас познакомили с двадцатилетней девушкой Чжан — студенткой отделения русского языка Пекинского университета. Она ещё не прошла полный курс обучения, но так как страна нуждается в кадрах, Чжан уже сейчас направляется на работу.

«Её отец при гоминьдаовском режиме занимал большой пост, брат её и сестра — одни из самых красных капиталистов Тяньцзиня. Чжан убеждена, что её семья, не хочет брать деньги у брата и вместе со своими товарищами живёт в об窘кении».

Наша китайская друзья много рассказывали о тех изменениях, которые произошли в высших учебных заведениях Китая за последние годы.

Произведён полный пересмотр учебных планов и программ. В ряде высших учебных заведений на основе принятых программы со-всеских вузов.

В 1952 году впервые в истории Китая все студенты высших учебных заведений стали получать стипендию от государства. Увеличение государственных стипендий ещё шире раскрыло двери университетов перед детьми рабочих и крестьян.

Впереди молодёжи Китая к Советской стране. Китайские юноши и девушки хотят знать всё о стране обновления, созданной «Учителем народов Советского Союза». Этот лозунг очень популярен среди китайской молодёжи. Чтобы лучше овладеть советским опытом, китайские юноши и девушки изучают русский язык, читают советские книги. В магазинах международной литературы, где продаётся советская литература, всегда многогодюно.

Покидая Китай, мы подарили нашим китайским друзьям сочинение Н. Островского с надписью: «Да будет вечна дружба молодёжи Советского Союза и Китая! Желаем прожить жизнь так, как прожил её Николай Островский».

Китайские товарищи подарили нам значок, на нём изображено красное полотнище, на котором написано на двух языках: «Да здравствует дружба молодёжи Китая — СССР».

Н. КОВАЛЬСКИЙ,
аспирант Московского
института востоковедения.

ДИПЛОМ

На небольшой, грубо сколоченной полке стоит гипсовый диплом. Их сдают в адвокаты. Когда рассматриваешь эти фигуры, то невольно замечашь, что все они имеют между собой что-то общее. То повторяется повторяется повторяется, то ног, то взмахах руки другой. Это эскизы, наброски, или, как говорят скульпторы, «нашабники». Здесь начало лепки.

У стены возвышается двухметровая скульптура девушки-физкультурницы. Это дипломная работа студента Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова Юрия Яковleva. От первых опытов до диплома скульптором пройдёт сложный путь.

В 1940 году Юрий поступил в Центральное художественно-промышленное училище Одимко учёба была прервана войной. Но даже и тогда, в дни боя, нет, нет, да и потянулись руки к стене землянки, на берут глины, делают фигуру солдата, устроившегося всем телом впереди или бросающего гранату».

Потом — Московский институт прикладного и декоративного искусства, Художественный институт имени В. И. Сурикова.

На пятом курсе Яковлев стал сталинским стипендиатом. В работе Юрию помогали дружка с живописью Владимиром Некрасовым и Юрием Гусевым. Вторым они готовились к экзаменам, вместе решали творческие задания. Когда Яковлев приступил к разработке дипломной темы, живописцы не остались в стороне. Они с Юрием ходили на стадион, делали зарисовки физкультурников. Эти рисунки помогли скульптору в решении экзамена.

Летом 1951 года Яковлев выезжал на практику в Таллин.

«Будни порта» — так называлась тема практики. Юрий надолго уходил в порт. Эзакомиссия с рабочими морскими беспилотниками, рабочими моряками, рабочими начальниками механизации порта Днепровска, членами с заполненными лицами, энергичными лицами, Яковлев, как всегда, пошёл по пути психологического раскрытия образа. Он изобразил Днепровска сидящим за рабочим столом, задумчивым над планом реконструкции порта. Этот портрет был принят на Всеобщую художественную выставку.

Подпись Яковлев выпечки портреты смеющейся девушки, водолаза, старого артиста, фигуру боксёра.

И вот физкультурница. Всмотревшись в неё, обманываешься в тщательности отдельных и выразительности каждого штриха. Рука, легко и свободно взлетевшая вверх, зависла в воздухе. Едва заметное напряжение чувствуется в мышцах полусогнутых пальцев, а мускулы предплечья, в изгибах торса, подавшегося вперёд. Сосредоточенный, но спокойный взгляд девушки устремлён на часы. Они показывают самой старшему. «Сейчас» буде подан сигнал. И сразу представляется белоголовая девочка заводского стадиона. Несколько юношеских девушки, приведших сюда после работы, замирают на старте. Сигнал — и они срываются с места...

— Ну вот, теперь другое дело! — сказал при последнем осмотре статуи физкультурницы народный художник РСФСР Н. В. Томский, руководитель дипломной работы.

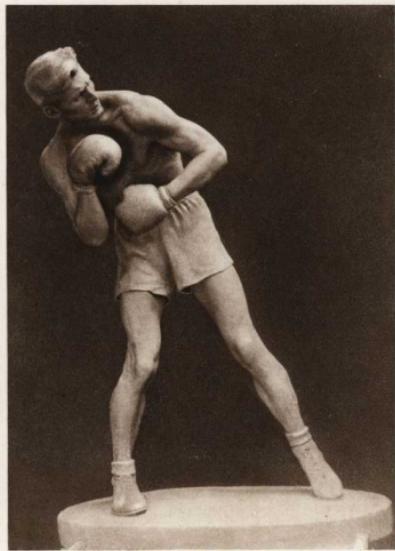
Юрию было понятно, какой смысл вкладывал профессор в слова «вот тёлько». Он долго не мог наиболее верно передать движение сигнализатора. Кроме того в вариантах не было найдены пропорции тела. Сделать то и другое помог Николай Валентьевич.

— А, я, признаюсь, сомневалась, — добавил профессор, — скажете ли вы, почему эту фигуру в таком большом размере за короткий срок? И, помните, советовал уменьшить её. Ряд, что вы настолько на своём и спрятавшись. За эту работу можно поставить «отлично».

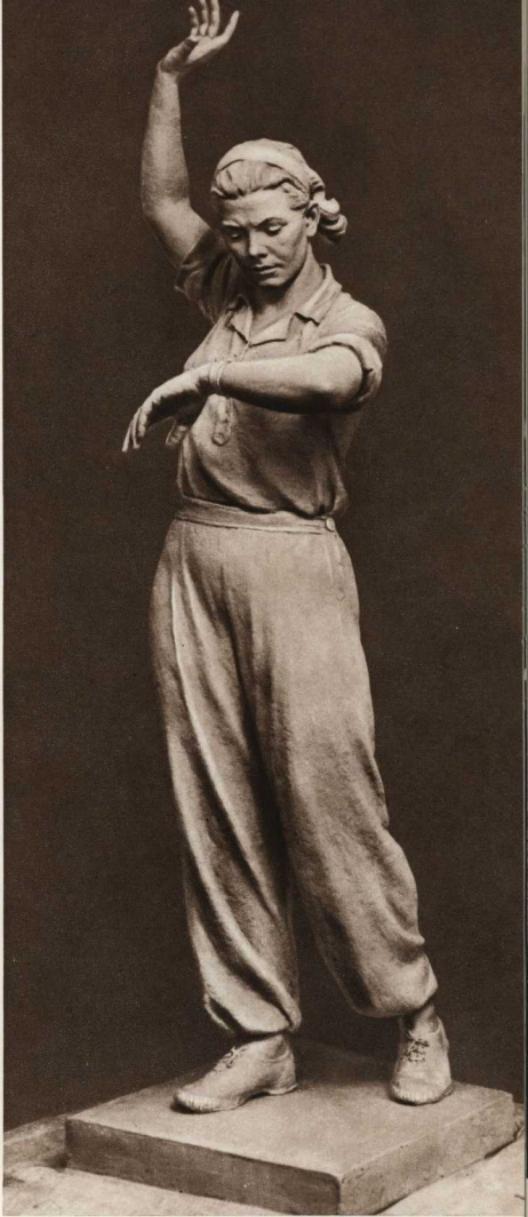
Д. АРТЕМЬЕВ

Портрет знатного механизатора
Таллинского морского порта А. А. Диванова.

Боксёр.

Дипломная работа «Внимание!».

После охоты.

Фото В. Гиппенрейтера

Фото Ф. Рыбакова.

Залит каток, и Александра Трубеева вышла на первую тренировку.

Н. ФОМИЧЕВ

СПОРТСМЕНЫ УРАЛМАША

В белесой дымке вечернего неба прячутся десятки заводских труб Уралмаша — одного из крупнейших промышленных предприятий страны. По частям вспышками электросварки, по нетерпеливым систикам маленьких трудолюбивых паровозиков «кукушек» чувствуется напряжённый пульс труда и жизни.

Пересекая заводские поляны, широкое, покрытое снегом поле убегает к сосновым рощам, где виднеется стадион «Авангард». Едва снег приподнялся за мерзлую землю, его уже исполосовали скользкие следы только что проложенной лыжни. Следы альчами скользят к лыжной базе, где всегда много молодежи. Видно, здесь с нетерпением ждали зимы. . .

***

Зима в Свердловске вступает в свои права раньше, чем во многих других городах. И дается она долго. Может быть, поэтому здесь на одном только Уралмаше выросли такие спортсмены, как мировая рекордсменка Татьяна Карапетян, известные лыжники заслуженные мастера спорта Анастасия Плотникова и Людмила Горностаева, мастер спорта Владимира Смолин. Вполне понятно, почему конькобежцы и лыжные секции на заводе наиболее многочисленные. Более четырёхсот молодых рабочих занимаются в каждой из них. Молодёжи есть у кого учиться, и опытным мастерам растёт любопытная смесь.

Как хорошобежка по первому снегу, когда морозене, всегда веселейший безоглядную радость, посыпывает щёки! Страйная девушка с возбуждённым взглядом темных глаз первой приходит к финишу, где с секундомером в руке стоит её тренер — заслуженный мастер спорта Людмила Петровна Горностаева.

— Молодец, Лиза, для первого дня хорошо! Пройдись теперь не спеша. Погодёжи, остальных.

Перворазрядница Лидия Аревкова, комсорг управления коммунального хозяйства Уралмаша, тренируется круглый год. Но так уж давно она вставала на лыжи, но не знал, как определить противника в состязаниях. Да и не только на лызьне. Но пробеле у неё тоже первый разряд, она чемпионка города.

Неискосненному в спорте человеку мо-

жет показаться, что перворазрядники, которые сегодня тренируются, уже показывают хорошие результаты. Но опытный глаз тренера видит, как неуверенно работают руки у Галины Соколовой, нет большой согласованности в движении ног у токаря Владимира Зайцева; Виктор Долженков, лучший лыжник города, ещё не достиг прежней скорости, а Анатолию Маслову, крепкому, широколицему парню, всё так же, как и в прошлом году, недостаёт техники. Ну что же, это первая тренировка, и ошибки можно устранить. Сейчас лыжники овадевают двухшажковым непрерывным ходом с одновременным толчком пальцами.

— Ты, Толя, силой берёшь. Человек ты крепкий, ну и думай, — вылезу. А тут же тренерика нужна... говорит тренер Маслову.

Людмила Петровна комирует его ляжни в замедленном темпе, и Анатолий видит, что лыжи не скользят, а висят на ногах. Так вот почему он быстро устает. Юноша смущённо улыбается.

А тем временем на голубом, искрящемся под лучами заходящего солнца аллею занимаются конькобежцы. Их тренирует мастер спорта Владимир Васильевич Смолин.

Его ученики растут от соревнований к соревнованию. Недавно присоединение в секцию Юрий Котуров и Александра Трубеева заставили первенство города и завода. Раи Колзова стала чемпионкой общества «Авангард», а Валя Маслова в 1952 году выиграла звание чемпионки РСФСР по беге на 1500 и 3000 метров.

Но не только спортивными успехами конькобежцев интересуются тренеры. Они забираются и о том, чтобы его патомограммы стали всесторонне развитыми юбками, получившей хорошую специальность,

Это Владимир Васильевич посоветовал Вале Масловой поступить в техникум. Он внимательно следит за её учебой. Узнав, что Валя не успевает по некоторым дисциплинам, он побеседовал с ней:

— Так дело не пойдёт, Валя. С тебя берут пример другие, а ты отстаешь в учёбе. Надо исправляться...

На Уралмаше привыкли к тому, что после окончания смены большие группы молодёжи направляются к высокому зданию спортивного зала. Один день здесь занимаются штангисты, другой — гимнасты, а сегодня — гиревики.

По средам Фаня Александровна Попырина не спешит с обедом. Она знает, что сын не придет вовремя, и потому немного недовольна. О боксе она имеет довольно смутное представление.

— Мой Володя охотится драться пошёл. И откуда это у него? Отец никогда не драка, да и сам он парень-то смиренный, — говорит она соседке по квартире.

На первый взгляд слесарь-сборщик цеха штампов Владимир Попырин кажется немножко неповоротливым. Приметная фигура, крупное лицо, спокойные с застенчивым взглядом глаза, вьющиеся волосы, падающие на лоб, сильные руки. Точно таких же Владимир мирится и на ринге, разве только глаза становятся серые и упрямом хмурятся брови.

Ещё в ремесленном училище, три года назад, он начал заниматься спортом. Начал лишь потому, что был секретарём комсомольской организации. Однажды к нему пристала ребята:

— Дядя, Володя, секцию бокса организуй.

Первичат то не было, ринга тоже, а главное, нужен тренер. Но раз ребята похлебали, Владимир решил возглавить это дело — ни то и он и комсомол. Достал перчатки, сделал ринг, выпросил у завхоза мячей и набил оплаками. Владимир стал одновременно и тренером и учеником. Сначала сам изучал удары по книге Градополова «Бокс», а затем показывал ребятам. И неизвестно для себя секции боксом, то же, как увлекалась книзами — сильно и надолго.

Но одно дело — теория, а другое дело — практика. Когда Владимир пришёл в зал на первую настоящую тренировку, руководитель секции спросил:

— Ты, говоришь, занимался боксом? Ну, надевай перчатки, посмотрим, как работаетешь.

Смотреть долго не прилось. Юноша не знал заидти и быстро потерпел поражение. Когда он ушёл, кто-то сказал:

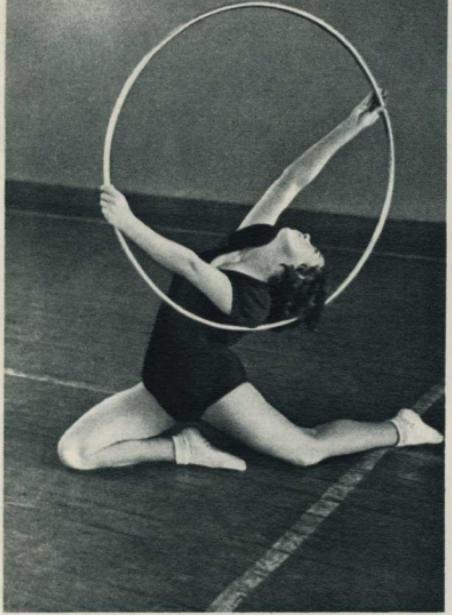
— Не придет тренер!

Но Попырин пришёл. Занятия боксом он продолжал упорно.

Около тридцати бойцов провёл перворазрядник Владимир Попырин. Каждый

Владимир Попырин отрабатывает удар правой.

По вечерам Марию Калашникову можно видеть в спортивном зале.

Боё — это закалка воли, воспитание характера.

Но не только в спорте нужна воля. Ещё больше она необходима в работе, в повседневной, будничной жизни. Это очень хорошо знает Мария Калашникова, известная на заводе гимнастка-перворазрядница.

Спортом училась ей быть упорной. Это упорство привнеслось в жизнь. Работая на заводе, Мария окончила вечернюю школу рабочей молодёжи и поступила на вечернее отделение Уральского политехнического института. Нелегко работать, вести домашнее хозяйство, учиться в институте и регулярно заниматься гимнастикой.

Подруга студентки Ида Тетерина из токаря Нина Чернуха, занимающиеся в секции вместе с Марийей, однажды подошли к тренеру Борису Браславскому. О чём они говорили, никто не знал, но по окончании занятий тренер спросил у Марии:

— Не трудно тебе? Может, пока останешься секцию? Ты ведь устала, очень!

Девушку упрямко качнула головой.

Если бы не гимнастика, мне было бы ещё трудней. Я думал первый разряд получится.

Она продолжала заниматься гимнастикой и вскоре выполнила норму перворазрядницы.

Летом у неё была ещё одна радость: она пришла на свой завод с дипломом инженера-конструктора. Теперь она работает по новой специальности.

А вечерами, когда зажигаются огни на красавицких улицах рабочего города Уралмаша, Мария снова идёт в спортивный зал.

Таких, как она, в 24 спортивных секциях Уралмаша вода сотни человек. Физкультура прочно входит в их жизнь, помогает укрепить здоровье, выработать характер, готовый к трудностям, к борьбе.

Комсомог физкультурника номинации Егоров хмурился, просматривая матчи заводской эстафеты. Радоваться действительно было нечему: команда цеха осталась на семнадцатом месте.

— Что же тут удивительного! У нас в колективе физкультурников нет ни тридцати человек, а рабочих сотни. Какая же это массовость, — горячился один из лучших легкоатлетов цеха, Григорий Сечков, — если одну команду собрали! Никто не жалуется.

Это была правда. В спортивных секциях занималось мало народа, массовые соревнования проводились очень редко, неорганизованно, а потому и непрятеско.

— Спортир не приходится, дела неважные. Но дело не в этом. Давайте подумаем, как выправлять положение будем, — сказал собравшийся недавно избранный председатель цехового совета рабочих коллектива физкультуры Николай Павлов.

Долго совещались ребята. А наутро большой плакат, написанный от руки, говорил о том, что после работы состоится собрание физкультурного актива. Вопреки ожиданию, молодёжь собралась охотно: видно, не только у комсомольцев болела душа за спортивную часть цеха.

Неожиданно выяснилось, что формовщики Демин и Кохан — неплохие легкоатлеты, а гидромойщик Руслан хорошо плавает. Нашлись футбольисты, волейболисты, городонщики.

Было решено организовать секции и

регулярно проводить тренировки, привлечь в коллектив физкультуры 180 человек, вместо 35 значков ГТО по плану подготовить 45 человек.

Однажды к волейболистам подошёл парень один из тех, кто на собрании говорил, что устает на работе, потому не до спорта. Постоял, разе два шага, потянул подковинский мяч, а затем незаметно встал на лавочку. Когда сумерки густелись и мяч стало уже трудно различать, парень первый сказал:

— Эх, жаль, темните! Ещё немножко бы погратать?

Виталий Лоза, заядлый волейболист, баскетболист и лыжник, сказал:

— А ты завтра приходи!

— Я приду... если примете...

Так день за днём приходили новые люди. И летом на эстафете, посвящённой двадцатилетию завода, физкультурники показали лучшие результаты, чемпионы по 12-метровым боям и заняли 3-е место.

Сейчас в их колективе около 200 молодых физкультурников. Пятьдесят три из них недавно прикреплены к пиджакам новенькие значки ГТО первой и второй ступени.

Рядом с доской почёта стоит переходящее красное знамя, присуждённое физкультурщикам, как лучшему коллектиvu физкультуры на заводе.

***

На заводе прочуко укрепилось мнение, что спортивные успехи неотделимы от производственных. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройти по цехам завода. Среди лучших производственных большинство — известные на заводе спортсмены, которых воспитали цеховых физкультурников.

Низовые коллекторы физкультуры на Уралмаше №8. Они объединяют несколько тысяч рабочих-спортсменов. Именно из них выросли 7 мастеров спорта, 75 спортсменов первого разряда, 175 — второго, 507 — третьего и 102 спортсмена юношеского разряда, успешно защищающие спортивную честь завода.

Об их успехах лучше всего рассказать призы, кубки, грамоты, выставленные в большой витрине в клубе общества «Авантур». Число призов непрерывно увеличивается: молодёжь добивается всё новых и новых успехов.

И, кто знает, может быть, на следующем кто-нибудь из 600 человек, получивших в этом году значки ГТО, установит новые рекорды.

Так начинает свой рабочий день физогр инструментального цеха слесарь Валерий Лукин.

СЧАСТЛИВЫЙ ОАЗИС

На алом обложке книги золотое тиснение — «Счастливый оазис»¹. Открытым первым страницу, и кажется, что в лице ударяет каленое дыхание Гоби. Видны горячую землю древней пустыни, по которой скользят тень крыла самолёта, автомобилей, обгоняющие караван верблюдов, облавы дымы над трубами первого промышленного комбината и дымки артиллерийского огня.

Историческая повесть молодого писателя М. Колесникова волнует читателя поэтическим рассказом о судьбах своих герояев. Кроме того она сообщает интересные сведения из истории Монгольской Народной Республики, рассказывает о жизни её даровитого и мужественного народа, о природе этой страны.

События, описанные в книге, относятся к весне 1958 года. На первом заседании обзорной азиатской бирмы, когда монгольский народ под руководством своей Народно-революционной партии создавал и укреплял артистические объединения и госхозы. Этому коренному повороту в жизни артистов и всей страны предприняты были доблестные монгольские богатыри, состоявшие в союзе с японскими и американскими империалистами.

На первом заседании бирмы может показаться несколько специальной. Речь в ней идёт в основном об одной научной экспедиции. В степной зоне между пустыней Гоби и Хангаем — в районе Джиргалантай-байда — монгольское правительство решило создать первый скотоводческий госхоз. Но предварительно надо было обследовать местные водные запасы, изучить степную растительность, дать научное обоснование для организации нового госхоза. С этой целью была снаряжена монгольско-советская экспедиция, в

¹ М. Колесников. «Счастливый оазис». Молодая гвардия. 1963.

которой приняли участие советские специалисты: известный учёный Турапов, почвовед Кости Петрушук и недавно окончивший институт врача Клаудия Казанцева. Работа этой экспедиции составляет основу повести. Писателю удалось показать борьбу внутри молодой монгольской науки как отражение ожесточённой классовой борьбы в стране.

Все эти события, вспоминаемые в монгольской науке немножко скользят в лагерь врагов, ищет связей с темными силами за рубежом. Прогрессивные учёные находят свою опору в народе, вдохновляются примером великого Советского Союза.

Жамцо, занимавший в то время пост председателя Учёного комитета в Улан-Баторе, проповедовал там называемую универсальную американскую теорию усыхания.

Анни. «Монголия сегодня — это только огромное историческое кладбище», — уверял властелин.

У народа нет будущего.

Выход из этого тупика он видел в объединении всех азиатских народов под руководством «японской нации» в одно государство, от Байкала до Туркестана.

Болтовьёй о теории усыхания Жамцо пытался подорвать в монгольском народе веру в национальную будущность и заставить его смотреть на единственные «спасители» на японских империалистов, ставших к гранитам Монголии Кавказскую армию и, как известно, попробовавших в том же 1938 году осуществить свою «спасительную миссию» у озера Хасан. Этот сторонник «чистой науки», реко судивший молодого учёного Сандана, который ждал практической помочь скотоводам, был, конечно, не единственным «спасителем». Вместе со скрывающимися у его багача-отца японским диверсантом Накамурой Жамцо активно участвовал в

подготовке восстания против народно-революционной власти.

Другой представитель «чистой науки» — это американец Вебстер, циничный контрабандист, воровски расхищавший археологические богатства Монголии.

Этим авантюристом от науки в книге противопоставлен обаятельный образ Андрея Макаревича Турапова — «одного из сынов Монголии, настоящего советского человека, который был душой экспедиции». Молодые монгольские учёные во главе с талантливым начальником экспедиции Санандом учатся у советских специалистов — у Турапова и его товарищей — подлинному служению народу. И не случайно экспедиция вскользь ушла артава Хангая и Гоби, изменила судьбы многих из них.

Возвращая правительственные задания, члены экспедиции помогли укрепить первое объединение артавов, наладить и поставить на научную базу их хозяйство. Раскрывая взаимоотношения учёных с местным населением, автор с убедительностью очевидца показал жизнь монгольских скотоводов, создал удачные образы артава Лубсаны, пастуха Чимита и первого монгольского археолога Аарын-Чана.

Запоминается также заместитель председателя артистического объединения девушки Даши-Дулзы и мужественный борец за новую эпоху — председатель артистического объединения Цыбикит, который вместе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном «вершил, революционил», видел Ленина, разговаривал с ним.

В конце книги экспедиция, выполнив задание, возвращается в Улан-Батор.

«Так осталась позади... пишет автор, — позади интересные события жизни. Едё-то там, за спинами хребтами, Аюран, Доржи, Чимит и другие... Пройдёт не- много времени — и на месте, где

Счастливый оазис

стояли палатки и юрты экспедиции, вырастут аккуратные домики госхоза, зашумят в степи скосильни, появятся новые артистические объединения».

Первая книга М. Колесникова, разумеется, не лишена недостатков. Так, например, несколько одиозно написаны отрицательные герои повести. Жамцо напоминает «нахолившуюся птицу», а у его подручного Цокто «истребление» лицо с кругло-жёлтыми немигающими глазами, «как у птицы». Местами в повести слишком замедляется действие. Однако эти и другие частные недостатки легко устранимы при дальнейшей работе над книгой.

Молодой читатель найдёт для себя много интересного в книге. Увлекательная и красавицкая «Счастливый оазис» — рассказ о дружбе советских людей с братским монгольским народом, становящемся на путь борьбы за счастливую жизнь, за социализм. Сбить с этого пути идёт ины и многомиллионный сосед Монголии — великий Китай, не удастся никаким темным вражеским силам. Счастливый оазис ширится на Востоке.

В. РОСЛЯКОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

◆ Сочинение Николая Островского в двух томах выпущено издательством «Молодая гвардия».

В первом томе опубликован роман «Как засекалась сталь», во втором томе — «Роцандыны бурей», в танке роман писателя, его статьи и письма.

Двухтомный иллюстрирован письмами художника А. Резинченко.

◆ «Гвардейский Тамбовский азиатический полк» — так называется книга А. Магада (издательство ДОСААФ).

Книга написана на основе документальных материалов и воспоминаний участниц боевых действий первой в Советской Армии женской лётной части, основным ядром которой было команда пилотов-питтианок аэропланов и лётных школ Гражданского воздушного флота. Двадцать три

из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

◆ «Над водами залита вымыслилась дамы. Они походили на богатырь, прещающих с дальнего севера». Шли, шли плечом к плечу и остановились. Коричневые от загара, они смотрят на море, гордо приподняв свои привычные шапки...»

Есть некакое волнующее закономерность в том, что Николай Переверзев, конносолдат, выросший в приморском городе, гордостью которого было металлургический комбинат, стал металлургом.

Документальная повесть Валентины Фёдоровой «Зрепость» (издательство «Молодая гвардия») рассказывает о пути Переверзея от простого рабочего до мастера стальеварения. Автор на- глядно, на конкретных примерах, раскрывает роль ком-

мунист. Его произведения, направленные против кинематографа, и сейчас метко решают сто- ронников Атлантического пак- та на его родине.

Григ всю жизнь, борясь с фашизмом, не только герой. В рядах испанских республиканцев он сражался в фронтовой армии Капитана народной авиации Нурадаля Григ погиб зимой 1943 года. Последняя радиограмма, приватная с борта его бомбардировщика, сбитого над Берлином, гласила:

«После окончания войны неустрано, ежедневно боритесь за мир!»

Нурадаль Григ был верным другом Советского Союза. Он прожил в СССР два года. Случайно обра- зовавшись матерью, позже и публичистом писателем-коммунистом зна- комит его «Избранные» (Государственное издательство художественной литературы).

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

РАЗВИВАТЬ ДРУЖБУ

Беседа с секретарями ЦК Новодемократического союза молодёжи Китая Лю Дао-шэном и Оу Тан-ляном

Молодёжные организации Китая, в состав которых входят миллионы юношей и девушек, играют активную роль в борьбе за мир. Советская Федерация демократической молодёжи насчитывает 18 миллионов членов, Новодемократический союз молодёжи — 9 миллионов.

Одним из наиболее ярких проявлений воли китайской молодёжи к миру явилось её активное участие в IV Всемирном фестивале молодёжи и студентов. В состав делегации вошли молодые передовики промышленности и сельского хозяйства, студенты, артисты, спортсмены, участники строительства на реке Хуайхэ, китайские народные добровольцы, представители национальных меньшинств.

В состав делегации входили такие прославленные новаторы труда, как Лю Ли-фу — столяр судоверфи города Дального. Он работает с чётким 1958 года; его бригада выпускает продукцию только отличного качества. На фестиваль ездил Ся Жень — первая женщина-трактористка Внутренней Монголии, крестьянка Го Юйлань, добившаяся больших успехов в выращивании геолюбии, Сун Цзи-у — первый шахтёр, освоивший советский угольный комбинат «Донбасс», и многие другие.

Одним из наиболее радостных и волнующих событий этого года было заключение перемирия в Корее, которое всё прогрессивное человечество рассматривает как великую победу дела мира. Весть о перемирии вызвала всеобщее ликование в Китае.

27 июня генеральный секретарь Новодемократического союза молодёжи Ху Яобао с трибуны III Всемирного конгресса молодёжи в Бухаресте сообщил делегатам, что перемирие в Корее заключено. Это был незабываемый момент. На мгновение зал замер, а затем поднялся в едином порыве. Делегаты конгресса бросились к посланцам Кореи и Китая. Многие из них подняли им руки. Не всех языках зазвучали слова поздравлений, дружеских рукопожатий не было конца. Со слезами радости на глазах делегаты Китая обнимались с делегатами Кореи.

В этот же день нашей делегации молодой рабочий Аньшаньского металургического комбината Шань Чан-дюй покинул работать ещё лучше, чтобы укрепить дело мира. Молодой железнодорожник Дань Юнь, работавший в дни войны на железных дорогах Кореи, зеволоженно сказал:

— Если наша родина потребует, я ей останусь в Корее, чтобы помочь восстановлению этой израненной, истрадавшейся страны.

Огромное впечатление осталось у нас от посещения Советского Союза, куда мы были приглашены после окончания фестиваля.

Советская молодёжь встретила юношескую и девушек Китая очень радушно и гостепримно. В дни пребывания в СССР мы еще раз убедились в том, что советская молодёжь питает к Китаю самые искренние чувства и что она считает китайскую молодёжу своим лучшим другом.

Юноши и девушки Китая уезжали на родину с огромным желанием всемерно развивать дружбу между молодёжью наших стран.

МИР СТРОИТСЯ

Юноши и девушки Финляндии, гостившие в СССР, уезжая на родину, оставили записи своих впечатлений о Советском Союзе, о дружбе между народами. Ниже мы помещаем часть этих записей.

«Дорогие товарищи!

Незабываемая неделя в большой соседней стране пришла на родину, оставила записи своих впечатлений о Советском Союзе, о дружбе между народами. Ниже мы помещаем часть этих записей.

«Дорогие товарищи!

Незабываемая неделя в большой соседней стране пришла на родину, оставила записи своих впечатлений о Советском Союзе, о дружбе между народами. Ниже мы помещаем часть этих записей.

Благодарность за это, дорогие друзья!

Да здравствует вечная дружба между молодёжью всего мира!

Да здравствует мир во всём мире!

Ритта Салма, Анна Паутайнен, Элла Клинс,

«Мы видели, сколько велики успехи, которых советский народ добился в своей мирной, созидательной работе. У нас не хватает слов, чтобы отблагодарить спасибо.

Мы уверены в том, что дело мира победит потому, что правда не горит и в огне.

Скоро мы уедем из СССР и вернёмся на родину, но никакие гранчины не могут помешать нам бороться за дело мира...

Мир строится.

Вильде Лийне, Валде Коскинен, Хекки Килье, Ялдо Орелья,

«Великая дружба — надёжная опора в борьбе за мир. Противляем руки, закрепляющие вечное товарищество. В борьбе мы будем всегда стоять рядом с вами.

Благодарим за счастливые дни нашей жизни.

Хилле Харисе, Элла Хаефт, Абра Лехтинен, Тейка Элкеваара».

Гости из Финляндии на станции московского метро.

Франсиско ЛОЭРА

СЛОВО О НАШЕМ ТОВАРИЩЕ

Почти полгода года Марко Риера томится в заключении в мексиканской тюрьме.

Каждое преступление, совершенное этим юношем, это что-то беспримерное.

Марко Хентор Риера — студент-

медик. Вместе с группой единомыш-

ленцами по учёбе, по Союзу комму-

нистической молодёжи, к которому

он принадлежал, он участвовал в конгрес-

те молодёжи в Берлине и во II Всемирном конгрессе студентов в Берлине.

Первого мая прошлого года мол-

одёжь боролась за мир вышли на

улицы с требованиями мира, национальной независимости, демократии.

Впереди молодёжной колонны

шёл Марко.

Под руководством властей банди-

ты напали на демонстрантов. Двое

студентов были убиты. Марко

и молодой рабочий Аксинегас — па-

ди мертвым, залиты своей кровью

и ранеными.

Вместе с тем, чтобы сковать

убийц, прибывшая полиция аре-

стовала многих демонстрантов, в том числе и Марко.

Опасаясь всеобщего возмущения, правительство было вынуждено отпустить Марко и других демонстрируемых. Однако шесть из них продолжают оставаться за решёткой — среди них и Марко.

Марко борется за мир, за национальную независимость своей родины.

Молодёжь Мексики, отстаивая мир и дружбу между всеми народами, может быть примером, достойным подражания.

Наши народы неизвестны империалистам.

Их славные планировки любят симпатизировать империалистам.

Они хотят, чтобы мир был подчинён империалистам США.

Марко Риера — один из тех, кто восхищается величием Советским Союзом, оплотом мира во всём мире.

Да здравствуют мир и дружба между юношами и девушками всего мира!

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ

С. МИТРА,
представитель Индии в ВФДМ

НАРОД ИНДИИ БОРЕТСЯ

Так же, как и для миллионов молодых людей всех стран, слова «мир» и «дружба» стали для индийской молодёжи символом прогресса, словами выражавшими идеи честолюбия и надежды. Угрозы новой мировой войны заставляют нас всё больше и больше осознавать необходимость быть бдительными в борьбе за мир.

Мы не испытывали ужасов последних мировых войн, как это было с молодёжью других стран, но индийская молодёжь знает, что эти мировые войны отразились и на её жизни. Мы не можем забыть ужасных последствий голода в Бенгалии, разразившегося во время второй мировой войны, который унёс в могилу более трёх миллионов людей и довёл до состояния крайности около пятидесяти тысяч человек.

Мы не можем забыть вызвавшего, унищожительного для нас поведения иностранных войск, налья которых в нашу страну увеличился во время войны.

Деятельность нашей молодёжи в защиту мира приняла более активные формы в течение четырёх последних лет. Индийской молодёжи с энтузиазмом проводила кампанию по сбору подписей под вазовским, требующим запрещения атомного оружия, и за пакт мира между пятью величайшими державами.

Опыт повседневной жизни помогает нам понять тесную связь между борьбой за мир и борьбой за удовлетворение наших нужд.

Например, учащаяся молодёнь-

Молодые представители стран Латинской Америки беседуют с советскими девушками.

Члены индийской молодёжной делегации в 1754 московской еврейской школе.

требует увеличения ассигнований из бюджета на мирные нужды населения. Наша молодёжь также требует сокращения военных ассигнований.

На собраниях безработных в Калькутте с участием делегатов от 196 различных организаций были сформулированы требования свободной торговли со всеми странами мира, между СССР и странами «чёрной демократии».

Богатые традиции борьбы за

независимость, которая велась в Индии в течение двух веков, по-

могают нашей молодёжи понять, что пребывание иностранных войск на территории нашей страны является серьёзной угрозой демократии. Индийские юноши и девушки решительно протестовали против отправки наших войск в братскую Малайю, которая ведёт героническую борьбу за независимость.

Состоялась демонстрация против пребывания 24 иностранных кораблей в портах Калькутты. Ни виду у американских моряков в доках были

расклешены лозунги: «Прочь из Короманделя», «Американцы, убирайтесь домой!»

Наша молодёжь сознательно для достижения мира и ослабления напряжения международной обстановки необходимо развивать дружеские связи молодёжи всех стран. Поэтому она принимает активное участие во всех международных мероприятиях Всемирной Федерации демократической молодёжи.

«Единство ведёт к миру, а мир — к счастью!»

НЕСМОТРЯ НА РЕПРЕССИИ

В Коста-Рика борьба за мир ведётся в очень трудных условиях — с 1948 года в нашей стране господствует диктатура наиболее реакционных слоев буржуазии.

Выступления в пользу мира преследуются, считается преступлением. И все же, несмотря на полицейский режим, среди рабочего класса, крестьянства, массовой буржуазии растут антивоенные настроения. Попытки войны, предпринимаемые американцами, находят поддержку лишь в кругах, близких к правительству, а также среди крупных землевладельцев и воротня «чёрного рынка», набиравших себе карманы во время второй мировой войны.

Большинство борцов за мир — молодёжь. Сейчас многие борцы за мир брошены в тюрьмы, но репрессии не сломили боевого духа молодёжи. Юноши и девушки нашей страны понимают, что борьба за мир — это борьба за демократию, национальный суверенитет, за улучшение жизненных условий нашего народа.

Молодёжь раскисливает на улицах манифести и плакаты, собирает подписи, организует лекции, митинги и «плетушки». В воскресные дни целые группы юношей и девушек отправляются в деревни, чтобы вести агитационную работу среди крестьянства.

Мы считаем, что пропаганда Обращения IV Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Бухаресте будет способствовать расширению движения сторонников мира в нашей стране.

Эдгар КАМПОС

МЫ БЫЛИ В САЯНАХ

Переправа через Хамсару.

Центральный Совет ДСО «Наука» поручил нам, группе студентов Московского горного института, осуществить этим летом туристский поход третьей (высшей) категории трудности. Маршрут должен был начаться в Иркутской области. Через хребет Восточный Саян надо было пройти Туву и перейти в Киргизию, преодолеть 300 километров горной тайги и топкими болотами, «взять» четыре снежных перевала, перейти ворота десятка бурных рек.

Основные обязанности в группе были распределены так: Вадим Рогальский — начальник и «врач», Дима Васильев — научный сотрудник, Вита Столларов — фотограф и завхоз, Володя Денисов и Феликс Патрунов — охотники.

...И вот в начале июля мы пришли в пункт выхода — село Верхняя Гутара. Выходим из самолёта, и сразу же цепь тучи москварей набрасывается на нас. Особенно не пошел Вита Столларов: у него вскоре от укусов залипает глаз. С этой минуты сибирский гусь становится самым злактым витинным врагом.

Село Верхняя Гутара очень живописно. Над долиной реки Гутара возвышаются красивые горы. Тайга подходит вплотную к реке, и кое-где светлозелёные лиственницы склоняются совсем низко над водой. В Верхней Гутаре нам пришлось прожить четыре дня. В свободное время мы знакомились с

бытом местных жителей — тофаларов.

Тофалары — одна из самых малочисленных на земном шаре. Их всего несколько сот человек. Раньше тофалары вели кочевой образ жизни, занимаясь охотой и разведением оленей. Жестокая эксплуатация, болезни и эпидемии в недалёком прошлом обрекли этот народ на вымирание.

Октябрьская революция принесла новую жизнь и в глухие горы Тофаларии. Сейчас в Верхней Гутаре крепкая и богатый колхоз. Имеется школа, больница, магазин. В клубе можно посмотреть новую кинокартину, прослушать лекцию. Охота на собаку, белку, медведя — несмотря на большой доход колхозников.

Наступил день выхода. Проводник поднял зарыченных оленей, и они один за другим, цепочкой, потянулись к реке. Мы надеваем тяжёлые рюкзаки, берём в руки пушки.

Сразу же за рекой начинается подъём к Гутарским озёрам. Идём тайгой, по болотам, и ноги, обутые в тяжёлые горные ботинки, вязнут в липкой чёрной грязи, лямки рюкзака впиваются в плечи. От-

вратительно жужжит мошкара, от укусов которой лицо и руки, но надеть никомарине нельзя: жарко. Организм еще не втянулся в работу; на крутых подъёмах быстро устает. Жаждет. Жаждет иржевого края. Труда этого достаётся подъём. Вите Столларову, он заметно осунулся, побледнев и первым попросил сделать внеочередной привал.

А вокруг нас стоит под лучами горячего солнца вековая тайга. К синему небу тянутся огромные кедры и лиственницы. Под ногами пружинят мох. А часа через полтора за стволами деревьев засыпало Большое Гутарское озеро. Тропа спустилась к самой воде, и мы увидели, что со всех сторон озеро окружено цепями гор.

Как всегда, сразу же устанавливают палатки. Время от времени ходьбы — 10 минут отдохнем. Часа три устраиваем обед. Так как нужно экономить время, мы не можем что-нибудь спарить. Подкрепляемся сухарями с салом и пьём холодную воду из ручья. Там приходится обедать на всём маршируете.

Только к вечеру мы подходим к первопрестолью Мурхон. Река, здесь широка и многоводна, течение быстрое, вода холода. Переход через такие реки весьма опасен и требует осторожности. Обняв друг друга за плечи, входим в воду. Холд обижает ноги. Течение стремится опрокинуть нас. Но вот уже близка серединка. Вода покосилась под ногами. Крепко держась за плечи, краине села Бородино, Вита делает маленький шаг вперёд и выбирают устойчивое положение. «Стопом», — говорят они. И тогда оставшиеся тоже продвигаются на шаг. Когда выбираемся на берег, выливаем воду из ботинок и согреваемся небольшой пребежкой.

На лесной поляне у самой реки останавливаемся на ночлег. Собираем рюкзаки, ставим палатку, разводим костёр. Проводник, связав у каждого оленя заднюю ногу с шеей, отпускает животных пастись в тайгу. Рядом с нашей палаткой он ставит свой тофаларийский чай. Пока дежурные варят греческую кашу, я схожу в лес, книга подле чай, можно занести в тетрадь путевые заметки, просмотреть по карте пройденный путь или просто так полежать у яркого костра, чувствуя, как постепенно в усталые мускулы возвращаются силы. Диана Васильев заносит в тетрадь свои первые научные записи. Недаром до похода он изучал книги

по ботанике, зоологии, минералогии. Как интересно увидеть самому в природе то, о чём до сих пор знал только из книг! После ужина весь лагерь погружается в крепкий сон.

Вверх по долине Мурхон мы шли четыре дня. Пришли к лесистым разъездам Троицы. Тропа то позади круто вверх, переваливая через боковые хребты, то терялась в топком болоте. На нашем пути встречались в огромном количестве съедобные растения: ревень, лук, чеснок (дикий чеснок). Теперь мы всегда приправляем пищу зеленью. Часто с тропы открывались виды редкой красоты на зелёные просторы тайги, на стремительные горные реки и цепи снежных гор. Однажды мы сделали замечательную экскурсию по реке Аскай-Ой. Река течёт в глубоком ущелье с отвесными стенами. Жутко смотреть, как на дне каньона беснуется горный поток. В двух местах Аскай-Ой как бы пропинивает горные породы и обра-

Лагерь под перевалом Мустаг-Дабан.

зует водопад высотой 20—30 метров. Солице проникает на котуточку только подлец на коньках времена, и потому внизу много снега.

На снегу из стокон в группе слушали большую песню Володя Денисов, заготовляя дрова для костра, заледя голову ногу. Наш «доктор» не растерялся, быстро сделал перевязку. Ребята разделили между собой весь груз из володиного рюкзака, и утром Володя шёл на излечение. И хотя нога болела, он никому не сказал об этом.

От истоков Мурхон мы перевалили на следующий день. Уды и по реке Чело-Монго поднялись в ранг главного хребта Восточного Саяна — Ергак-Горгактая. Чем выше мы поднимались в горы, тем суворее становилась природа. Дремучая тайга уступила место горной тундре. На многие километры теперь тянулись заросли карликовой берёзы. Бурины, грозные в изиных речках, здесь маленькие ручейки мирно вытекали из болот и снежников. Столы середины июля, самое жаркое время года, а на кустарниках у снежных полей только ещё лопались почки. По несколько раз в день лиши холода и дожди, переходящие в град, и мы промокали до костей.

Днём 11 июля, на 7-й день пути, после нескольких часов тяжёлого

Вид на Туву с перевала Мустаг-Дабан.

подъёма по крутым склонам мы «свалились» перед горой Мустаг-Дабан (2240 метров). Это было горькотяжелое минута. У перекошенной ребятами склонки сломки тур и в отстrelленную гильзу вложили записку. В ней мы пожалели всем, что пройдёт через перевал Мустаг-Дабан: геологам и географам, охотникам и туристам... счастливого пути и хороших погоды.

Отсюда, от хребта Ергак-Торгайтага, проводник повернулся в обратный путь. Мы остались одни.

Перевалив через небольшое плато с несколкими холмистыми обрывами, мы уже в темноте добирались до первых деревень, где и разбивались на ночлег. На следующий день у нас был отыск. Мы прошли более ста километров и были в пути неделю. Но разве можно находиться в палатке, когда во-круг стояло интересного! Охотники вместе с Димой Васильевым поднялись на заре. Солнце ещё только освещало вершину гор, и в долине стоял холод ночи. Шли по кустам, мокрым от росы. На одном из склонов ребята заметили медведицу с медвежонком. С ружьями и фотоаппаратом охотники долго гонялись по горам за медведем. Уйти зверя не удалось — по звуку слышали много интересныхников. А когда медведи ушли в ледоступное место, ребята забралась на одну из безымянных вершин. В чистый инспитуате, где мы учились, было решено назвать эту вершину ником Энергетиков. Торжественно прозвучал над горами ружейный салют.

Ещё три дня мы шли по горам. Из долины реки Кихи-Хем по реке Биче-Даштыг-Хем через перевал Салтысты вышли к долине реки Соруг. В Москве мы предполагали, что наши маршруты будут совпадать с основным долгими реками. Однако продолжение маршрута на север, и конечно, среди каньонов. Начальник Вадим Рогальский принял смелое решение: идти прямо на юг, ориентируясь только по компасу.

Целую неделю мы шли сквозь тайжными тропами и долинами неведомых рек. Удивительный край открылся перед нашими глазами. Мы видели медведей на склонах гор, большие тетеревы и курикоры поднимались из-под самых ног. Над обрывами и реками кричали дикие гуси и утки. А однажды мы видели оленя всего в 20–30 метрах. Он спокойно лежал у пересыхающего озера и только

ко красной и чёрной смородине, что можно было собирать её ведрами.

Крепкая дружба помогала нам в трудные дни похода. Не все однажды терпели и мучительно переносили лихени и низводы. Сашином часто Витя Столцов жаловался на мокшу, на болота, на тяжёлый рюкзак... Как-то дождь шёл целый день, мы прогоняли, и Витя совсем упал духом. Он шёл, почти не смотря под ноги, и несколько раз падал, спотыкаясь о поваленные стволы. Заботливая рука товарища помогала ему встать на ноги, весёлая шутка вселяла бодрость.

На 17-й день пути сверху, с тропы, у мраморных скал, мы увидели, как тёща таёт большая, широкая река. Это была Хамса. Позавчера мы или вини по реке. Хамса — река редкой красоты.

Хотя мы сильно уставали после переходов, но каждый вечер охотники ходили в тайгу за дичью. Однажды уже стемнело, а Володя Денисов не пришёл в лагерь. Товарищи забеспокоились. Вадим Рогальский и Дима Васильев пошли на поиски. В ночном лесу засветили огниками карманных фонариков, загремели выстрелы. Володя рассказал только в первом часу. Оказывается, охотник из утка, под долго ползущим, терпеливо подкрадывая дичь. А потом в темноте уронил трону и пошёл совсем не в ту сторону. Вадим Рогальский дружил с Володей Денисовым ещё со школы, прожил с ним несколько лет в одной комната в студенческом общежитии. Но он нашёл в себе силы суроно осудить поступок друга. Он оторвал у Володи ружьё и запретил ему охотиться до конца похода.

Последние 70 километров мы прошли за три дня. Опять идти пришлось по горам, но уже по хорощей тропе.

Наступал двадцать первый день похода. Всё чаще и чаще стали появляться привычные для каждого жильцы: трубары в лесу, загоны для скота, скоты колы. И вот за поворотом дороги мы увидели бревенчатые дома и нагороды посёлка.

Местные жители тепло встретили нас. Когда мы рассказали, откуда пришли, председатель райисполкома сказал: «Молодцы, ребята!»

Мы пообедали в столовой, отправились в Москву телеграммы по радио, побывали в клубе, где шла национальная пьеса в исполнении артистов Казахского театра.

С жадностью читали газеты: ведь почти месяцы мы не знали, что делают мирные люди.

Прошло несколько дней. С зелёного луга у самого Енисея взлетел двухмоторный самолёт. Под блескими крыльями машина быстро проплыла, словно игрушечные, маленькие тунисские домики. Самолёт пошёл над Енисеем и, набрав высоту, полетел над горами. Светлое чувство победы наподняло наши сердца.

Поход в Саяны был для нас хорошим спортивным тренировкой и прекратился, содержательным отдыхом. Мы возмутились, закалились, скрепили дружбу, приобрели новые походные знания, увидели очень много нового и интересного. И через несколько лет мы обязательно снова приедем в Сибирь, в новый большой поход...

Ф. ПАТРУНОВ

от наших голосов встал на ноги и убежал в тайгу. В эти дни охотники добывали свежего мяса столько, сколько было нужно. По берегам ручьёв встречалось столь-

Заслуженный мастер спорта И. Ю. Федоров тренирует на лыжном «лыжнодроме» сборную команду Лесотехнического института.

НА ИСКУССТВЕННОЙ ЛЫЖНЕ

Оживляющееся от дождей, листья кайва с лёгкими шелушениями устинают дорожки парка. Осенне... «Новый сезон для спортсменов. Но если пройтись по парку Лесотехнического института, ёщё издалика вы заметите сквозь желтизну осенних кустарников мелькающие фигуры спортсменов.

Но кто это? Лыжники? Скользящий шаг, характерные движения при отталкивании палками... Сами же настоящие лыжники!

— Но где же снег? — спрашиваются вы.

Подойдите поближе, и вашим глазам откроется интересное зрелище.

Беговая дорожка покрыта искусственным снегом, изобретённым мастером спорта Иваном Юрьевичем Федоровым, который руководит в институте кафедрой физического воспитания и спорта.

Собственно, этот «снег» состоит из материнки, который зачастую является у нас под ногами,— это опилки и тонкая древесная стружка.

Беговая дорожка — полотра — два метра шириной — представляет собой замкнутый круг из опилок, на которые настлан слой тонкой стружки.

Предложение И. Ю. Федорова даёт возможность лыжникам тренироваться летом, вступая в зимний сезон абсолютно подготовленными.

Осенью прошлого года И. Ю. Федоров начал тренировать команду для областных соревнований по лыжам за три месяца — начиная с сентябрь. На искусственной лыжне ежедневно выходили студенты четвёртого курса лесомеханического факультета — Чухло, Лапин, Анохин, сёстры Анна и Нина Кукни и Лидия Фадеева. Результаты тренировок оказались на соревнованиях. Мастер спорта Рогонкин — чемпион РСФСР — наимного отстал от молодых лыжников.

Девушки также выиграли трёхкилометровую гонку почти без борьбы, опередив своих ближайших соперниц на двадцать минут.

Спортивный календарь по лыжам в этом году начинается рано. Уже в декабре намечено провести несколько соревнований. Время на «втягивание» не остаётся, и поэтому на беговой дорожке института сейчас сейчас идёт упорная тренировка команд — участников соревнований.

Ал. ШАБУНИН

На пике Энергетиков.

от наших голосов встал на ноги и убежал в тайгу. В эти дни охотники добывали свежего мяса столько, сколько было нужно. По берегам ручьёв встречалось столь-

Многие, очевидно, слышали о выращивании рассады в кубиках — сделанных из торфа. Способ этот очень удобен и прост: семена огурцов, томатов или картофеля высаживаются в кубики. Рассада хорошо разрастается в парниках, а когда наступает срок высадки на по-ле, ее сажают с кубиками переносят в почву.

Уже многие передовые колхозы и совхозы применяют этот способ и получают прекрасные результаты. Но метод этот имеет и свои недостатки. Для того чтобы кубики формируются из торфа специальными машинами. Она очень производительна и за один час около двухсот тысяч кубиков. Но ведь все их нужно перенести вручную в парники? А это делаетсяручную. В результате тратится масса рабочего времени, да и рабочих обходятся немало. А в конечном счете удорожаются и овощи.

Тимирязевцы, академики науки, придумали новый и дешевый способ получения питательных кубиков.

Сначала торф разжигают, за-

тем полученному массу прямо

заливают в парники, на дно которых предварительно высыпают листья наподобие противни. Когда вода испарится, слой торфа разрежет специальными дисковыми ножами на кубики.

При созревании кубики вынимают из парника не по отдельности, а сразу же на меленом противнике, где умещается 50—100 кубиков.

В розничном цехе большой колхоз-

КРОССВОРД

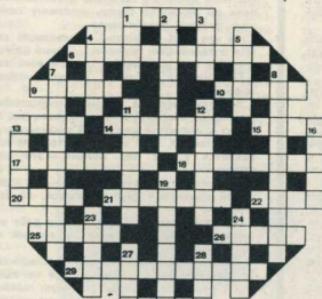
Составил П. Князев (Ленинградская область)

По вертикали:

- Морской рак. 2. Учебательный прибор. 3. Сеть, приспособленная для ловли рыб. 4. Медицинский знак. 5. Музикальный инструмент. 7. Выдающийся советский писатель. 8. Пряжка, делающая узлы пополам. 11. Печь для печи. 12. Высокий русский публицист и критик. 13. Часть котла. 15. Тонкая обивка стульев. 19. Ювелирное изделие. 23. Советский писатель. 24. Китайский крестильный камень. 25. Название наименование для защиты от солнца, дощади. 26. Река в Сибири.

По горизонтали:

- Знаменитый русский скунсер. 6. Введение машинного механизма в промышленность, сельское хозяйство. 9. Персонаж романа В. Лапина «Город». 10. Вооруженные силы государства. 13. Лестница из деревянных ступеней. 15. Приз Днепра. 17. Документ заседания собрания для просмотра. 18. Советский польский лётчик. 20. Крупнейший писатель эпохи. 21. Народный артист СССР. 22. Город в Белоруссии. 24. Буква, на которой на севере СССР. 25. Порода собак. 29. Одна из гигантских звезд. 30. Мера веса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

- Аймак. 3. Афоризм. 5. Гуллик. 7. Танец. 9. Атомат. 11. Спорт. 12. Актер. 13. Поташин.
- Артистка. 16. Аланы. 18. Рицон. 19. Удоочна. 20. Дракон. 21. Нельма. 22. Тюльпан. 23. Звезда. 26. Зимбабве. 28. Бирюза. 31. Прима. 33. Тальмыц.

- Агроном. 36. Абхазия. 36. Абхазия. 37. Осина.
- Агроном. 35. Авере. 36. Абхазия. 37. Осина.

По вертикали:

- Алтай. 2. Кювет. 3. Гамма. 4. Метрика. 5. Альфа. 6. Алтарь. 7. Пристор. 8. Кораль. 9. Альгинат. 10. Гипербромид. 11. Алоне. 17. Зурна. 20. Домкрат. 22. Атаман. 24. Хлопок. 25. Миномет. 27. Легония. 29. Малорог. 30. Вицела. 30. Сако. 31. Панико. 32. Амбэд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

- Водопад. 7. Образование. 11. Казахи. 13. Охара. 13. Калмыки. 15. Кочевник. 17. Славянин. 19. Багатство. 20. Наустроцца. 22. Краснодар. 25. Кандидат. 27. Бакас. 28. Гимназия. 29. Музей. 30. Котельниково. 31. Либерал.

По вертикали:

- Беломория. 2. Домонголь. 3. Парандзе. 5. Облачко. 6. Индрор. 8. Лаборатория. 9. Университет. 12. Мозговик. 14. Холмогор. 16. Витин. 18. Ласта. 21. Физкультура. 23. Альбом. 24. Академии. 25. Комбикнат. 26. Накоп.

Редакторы: В. Аксенов, Г. Гулка, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюкова, М. Лукинин.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правда», 24. Тел. D 3-34-24. А 03776. Подписано в печать 11/XI 1953 г. Заказ № 2638.

Цена 120 000 эн.

Изд. № 879.

Формат бумаги 70×108½.

175 бум. л.—4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В номере:

Г. М. Лоза — Тимирязевцы.
В. Архипенко — Много, хорошо, дёшево.
Алексей Кафанов — Год спустя.

Леонид Соловьев — Город моих Стихов.
Г. Калиновский — Государственные поди.

Маслаков и Маздакин — Слушайте 10 тысяч студентов Кирова Стихи.

Я. Афанасьев — Снова в школе.

Семён Журавлев — Киевские этиоты.

Джон Грахем — Встань, народ мой Стихи.

Г. Турбин — В родном училище.

Ирина Марк — Вавилоница башня. Рассказ.

Н. Красильников — Лу Сун-ху и ее птицы.

Д. Артемьев — Дилюм.

Н. Фомичев — Спортивные Уральщики.

В. Ростовский — Счастливый юбилей.

Лети разных народов, мы мечтаем о мире, живём... Материализованные молодежи за мир.

Ф. Патрунов — Мы были в Салехарде.

Алла Бабукина — На искусственной лыжне.

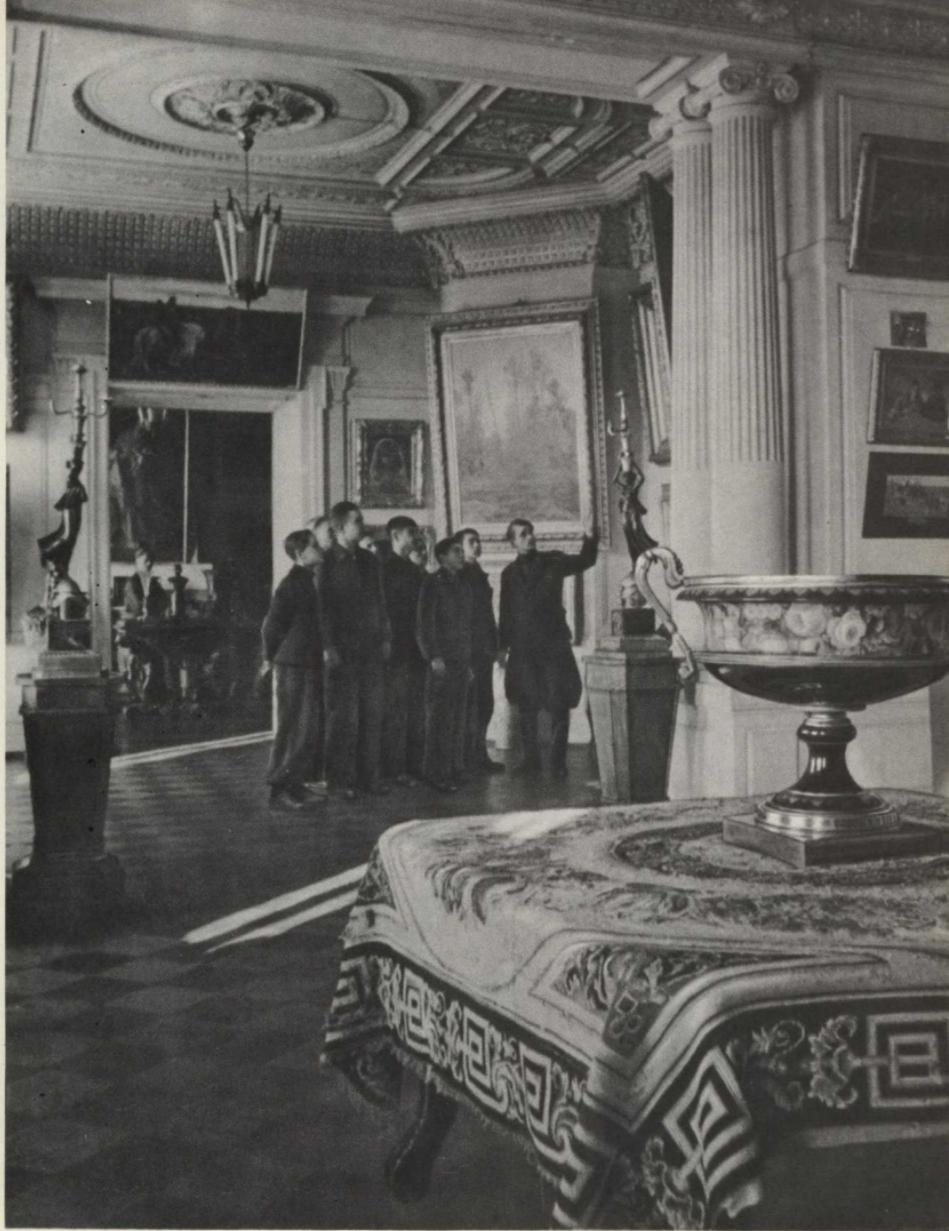
На первой странице обложки В. Борисов показывает Рисунок Л. Халатова.

На четвертой странице обложки: Пушкинские места. Тригорское. Фото И. Шагина.

Оформление номера
В. Урина.

В краеведческом музее города Сарыгзоса.

Цена номера

2 руб.

